

ДЕНИС РАТМАНОВ

НЕРУШИМЫЙ-3

Нерушимый

Денис Ратманов

Нерушимый – 3

«Автор»

«Автор»

2023

Ратманов Д.

Нерушимый – 3 / Д. Ратманов — «Автор», «Автор»,
2023 — (Нерушимый)

Я сам указал место, где родиться, сам создал новое тело и выбрал таланты. Я живу в СССР, где не пятнадцать, а шестнадцать республик, страной правят могущественные семьи, а во главе стоит таинственный генсек. Эта страна строит автомобильные заводы в Африке, отправляет экспедиции на Марс, делает собственные гаджеты, которые не уступают западным. У меня много дорог. Но сперва я попытаюсь сделать то, о чем мечтал с детства, – вывести свою страну в финал чемпионата мира по футболу.

© Ратманов Д., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. А вас я попрошу остаться!	5
Глава 2. Главное – хвост!	10
Глава 3. А зачем нам кузнец?	15
Глава 4. Если б я был султан...	20
Глава 5. На дальней станции сойду	27
Глава 6. Доверяй, но карты передергивай	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Денис Ратманов

Нерушимый-3

Глава 1. А вас я попрошу остаться!

Марокко не спешил оглашать результат отбора, молчал, сверкая бликующими линзами очков. Футболисты расселись на скамье запасных, перешептывались, бросая на нас косые взгляды, а я стоял перед ними, как провинившийся школьник, и ждал вердикта. Чего тренер хотел, я не понимал. Потому что он не хотел ничего конкретного и ко мне относился как к винтику в его выпестованном и отлаженном механизме. И винтику явно лишнему.

Пока ехал в поезде, я прочитал все последние выпуски «Советского спорта», изучая материалы о московском «Динамо», и узнал, что тренера за глаза называют Марокко. Нет-нет, марокканца он не напоминал, напротив, внешность имел самую что ни на есть славянскую. Но первые буквы имени, отчества и фамилии причудливо складывались: Максим Романович Костенко.

Голова тренера тоже бликовала, как отполированный белый камень, голый на верхушке и поросший серебристым лишайником, из-за которого выглядывали слегка оттопыренные крупные уши.

– Александр, бесспорно, талант у вас есть... – заговорил тренер, и мне не понравилось, как он начал, равно как и то, что перешел на вы. – Играете вы хорошо. Грязно, но хорошо...

Грязно?! Я вскинул голову и едва не вступил в спор. Удержался.

– Для районного центра так вообще замечательно...

Ну конечно, куда уж нам, провинциалам, до вас! Провинциал, он по определению не может быть лучше столичного игрока.

Я сжал челюсти, ожидая услышать «но». Если «но» прозвучит – это будет жирная точка в моих начинаниях. Я даже готов был бы заподозрить руку Гришина, который нашептал, чтобы меня не брали, ведь сыграл безупречно. Хотя я просился на ворота, Марокко сперва поставил меня защитником, потом полузащитником и, наконец, нападающим. На ворота я так и не попал, хотя изначально претендовал только на позицию вратаря.

Глядя на меня как на пустое место, Костенко покачал головой:

– Нет, в воротах на тебя я и вне матча могу посмотреть, а мне интересно, что ты из себя представляешь на поле. Товарищ генерал тебя на все лады расхваливал, я уж думал, ты самородок какой, а потом он говорит – боец! У меня что тут, хоккей на льду? У меня футбол! Это тебе не во дворе мячик гонять и не морды бить, здесь думать надо! Мне тафгай не нужен!

– На поле так на поле, – кивнул я, особо не переживая.

Я в себе не сомневался, ведь недаром перед просмотром стал лучшим в мире футболистом. Однако футбол – командная игра, и кое-что пошло не по плану. Кое-что... Все! Все пошло не по плану!

Лучший, но пока не признанный футболист мира Саша Нерушимый не смог показать все, на что способен, потому что играл без мяча. А почему он играл без мяча?

Правильно.

Потому что динамовцы его динамили, держали на голодном пайке и без мяча, а если по окрику тренера и пасовали, то мимо, в борьбу.

Потому что рылом не вышел Нерушимый и полез со своим свиным в калашный ряд – то есть из Лиловска, нигде не игравший, и сразу в столичное «Динамо».

Когда я играл за защитника, мои напарники-ветераны, братья Комбаровы, как-то очень дружно расступались перед противником, а тот легко меня отрезал. Два раза я перехватывал

и шел вперед. В первый раз пас пошел на ход Кокорину, да-да, тому самому, но Александр ковырял в носу, и мяч накрыл защитник.

Во второй раз, когда мне удалось перехватить мяч, я оставил его, ринулся вперед, пошел в обводку сам, ускорился, пробежал все поле и закатил... бы, если бы не Кокорин. Он бежал рядом и надрывался: «Отдай! Мне! Мне! Отдай мяч, салага!» И я отдал, а он благополучно задулил выше ворот.

Полузащитником я тупо пробегал полчаса вообще без мяча, и за это время наш голкипер Шунин лишь раз попытался выбить мяч на меня. Выкинул хорошо – мощно, сильно, только в аут. Этот аут противника я перехватил и, рывком уйдя по бровке, навесил точно на голову Кокорина. Тот зачем-то решил пробить через себя и попал прямо в руки второго вратаря Лещука.

Нападающим я пошел вместо Кокорина, пытался цепляться за мяч, но лишь раз получил навес, который прошел на метр выше моей головы.

Короче говоря, неудивительно, что прошлый сезон динамовцы Москвы закончили лишь на четырнадцатом месте, и нет ничего странного в том, что Федор Смолов променял их на трехкомнатную квартиру в Минске, хотя и тамошние динамовцы звезд с неба не хватало – всего лишь десятое место в прошлом сезоне.

– Но у нас все-таки столичная команда, причем полностью укомплектованная, а не дворовой футбол, вам нужно набраться опыта, – в его голосе послышались сомнения. – Не расстраивайтесь. Наши футболисты прошли долгий и тернистый путь, пока не попали сюда. Если проявите себя хорошо, то и у вас будет шанс, Александр.

Я смотрел на бликующие очки, и во мне разгорался гнев. Это лучшему-то игроку в мире не хватает опыта? Ну-ну, расскажи! Он уверен, что раз все прошли трудный путь, то и я должен! Жри дерьмо годик-два, а лучше три. Чем больше сожрешь, тем скорее всплывешь, то есть попадешь в команду. Причина отказа ясна: пришел тут бластной салага, жизни не нюхавший, претендует на что-то. А ты добейся! Не талантом, а потом и кровью окропи свой путь. Но емое, я же реально сегодня был круче Несты, Иньесты, Месси и Роналду, вместе взятых, и он этого не увидел?

Вот уж действительно – один не воин в поле, если ты в футболе.

И что делать? Лапки я складывать точно не собирался.

– Максим Романович, пожалуйста, дайте еще один шанс, – попросил я, понимая, что особо мне надеяться не на что.

Он не спешил отвечать, а я пытался вспомнить. Костенко, Костенко... Нет, я о таком футболисте или тренере в своем мире не слышал, но за тридцать лет, прошедших с момента, когда началась новая ветка реальности, судьбы многих людей могли пойти иначе.

Состав команды тоже отличался от «Динамо» моего мира очень прилично, что, впрочем, объяснить было проще простого: в команде этого мира нет легионеров, а оттого борьба за советские таланты идет на самом высшем уровне – уровне министров и секретарей областных и республиканских комитетов. Удивительно, что тот же Кокорин, талант, что и говорить, огромный, но в нашем мире, к сожалению, зарытый в землю, все еще в клубе. Все-таки по большому счету московское «Динамо» – аутсайдер первенства СССР. И при этом они талантами разбрасываются!

Тем временем Максим Романович осмотрел меня с ног до головы и проговорил, потирая лоб:

– Понимаете, молодой человек, у нас не команда ДЮСШ, когда юноши оттачивают мастерство и набираются опыта. У нас играющая команда, которая борется за самые высокие места. Ответственность колоссальная! Каждый уже должен быть профессионалом! Понимаете? А вы действуете нахрапом, не чувствуете игры, прете напролом...

Он взял паузу, из-за очков глядя мне в глаза, будто ожидал чего-то. Я просто растерянно хлопал глазами, все еще не веря в то, что мне отказали.

– Я могу идти? – наконец проговорил я дрогнувшим голосом.

– Конечно, Александр, – кивнул тренер.

Я поплелся прочь, ощущая насмешливые взгляды игроков. «Удачи», – донеслось уже в спину.

Как же так? На просмотр я летел на крыльях вдохновения, готовый горы сворачивать, обратно плелся, волоча обломанные крылья.

Я вышел в коридор и направился к раздевалке, в то время как команда осталась с тренером. Принятие неизбежного застряло на стадии отрицания: не верю! Потому в раздевалке я тупо сел на скамейку и с минуту пялился перед собой. Минуту гнев, наступил торг. Ну да, он ведь прав: технически я, может, и был лучшим в мире, но опыта-то нет, ведь футболом занимался в прошлой жизни, а нескольких дней подготовки в Лиловске явно мало. К тому же физически эти ребята – просто монстры, я среди них буду самым дохлым. Допустим, взяли меня, и что? Да эти спортсмены меня по полю тонким слоем раскатают! Там же еще физуха нужна...

Незнакомый голос заставил меня вздрогнуть:

– Александр?

Я вскинул голову. Передо мной стоял помощник тренера, высокий парень с темно-рыжей львиной копной, отдаленно напоминающий Джима из мультика «Остров сокровищ».

– Максим Романович просил зайти к нему, – проговорил он немного с прононсом.

– Сейчас? – уточнил я и подобрался.

Что ему нужно? Надежда воспрянула, расправила крылья, но взлетать не спешила.

– Идемте. – Парень поманил за собой приглашающим жестом.

В коридоре мы посторонились, пропуская идущую в раздевалку гомонящую толпу динамовцев. Никто на меня даже не посмотрел. Ну а кто я для них? Попрошайка, один из десятков тысяч юных футболистов СССР, мечтающих играть в высшей лиге.

Табличка на кабинете, куда мы пришли, гласила «М. Р. Костенко». Мы переступили порог. Тренерская была чем-то средним между кабинетом и раздевалкой: стол, шкаф во всю стену.

Марокко прятался за дверцей. Захлопнул ее и, явив себя, обратился ко мне:

– Александр, я решил рассмотреть вашу просьбу. – Он сделал паузу, играя на нервах, но я молчал, ждал, когда он продолжит. – Я еще раз ознакомился с вашими данными, на этот раз внимательно. Село Кунашак? Впервые слышу о таком населенном пункте. Меня другое удивило. О вас нигде нет сведений. То есть вы не состояли ни в одной приличной футбольной команде, но играете неплохо, как будто у вас за спиной несколько лет упорных тренировок.

– Физрук был толковый, – сказал я. – Настоящий фанат.

– Как его зовут?

– Э-э-э... Александр Сергеевич Смирнов, – брякнул я комбинацию из самых распространенных имен и фамилий.

Марокко оставил мой ответ без комментариев и сказал:

– В общем, Александр, я склонен полагать, что вы весьма способны, раз не испортили каши за весь матч в команде мастеров, еще и играя на разных позициях с незнакомыми партнерами. Потому считаю преступлением не дать вам еще один шанс. Не в составе основной команды, конечно же, и не в молодежке – там наши воспитанники с пяти-шести лет, не поймут. Посмотрим на тебя в дубле, «Динамо-2». У них как раз два игрока серьезно травмировались, и, если понравиться, оценим тебя во Второй лиге. Выстоишь, выдержишь нагрузки, значит, характер есть.

Облегчение жаром прокатилось по позвоночнику. Юному телу хотелось скакать по кабинету и бегать по стенам. Взрослый разум натянул поводья и велел придержать энтузиазм. Это наилучший для меня расклад! Команда Второй лиги – круче, чем лиловское «Динамо», и там, в отличие от основного состава, я не буду смотреться бледной кривоногой молью. И все-таки – Москва! Цель стала на порядок ближе.

Улыбка сама растянула мои губы. Марокко тоже заулыбался, довольный собой и произведенным эффектом. И проговорил:

– Тренировки проходят в ФК «Динамо», это недалеко, ближе к Белорусскому вокзалу. Тренер у них Виктор Иванович Кирюхин. – Марокко подошел к столу, надел очки и принялся что-то писать. – Да и команда молодая, перспективная, твои ровесники и парни на год-два старше. Приходи завтра, десятого января, в девять утра, Виктор Иванович будет тебя ждать. Пройдешь медосмотр, а если все будет нормально, поедешь с командой на сборы.

Он клацнул печатью по маленькому листку, собственноручно его заламинировал и протянул мне.

– Держи. Это пропуск.

Радость так и распирала меня, прям расцеловать его хотелось, но я сказал лишь:

– Максим Романович, спасибо!

– Ты сперва удержишься там, потом будешь благодарить, – с сомнением проговорил он.

А я был уверен: он очень удивится, увидев, на что я способен.

Мы пожали друг другу руки и распрощались. Помощник тренера сопроводил меня до раздевалки, которая к тому моменту уже опустела, рассказав, что все формальности по моему приему будут завтра, включая общекомандный медосмотр, а послезавтра я и остальной дубль поездом двинем в Крым – в Евпаторию!

Я проверил телефон, убедился, что Лиза не только не написала, но и мое сообщение с предложением встретиться не прочла. Надеюсь, что она все-таки откликнется, я неторопливо переоделся, принял контрастный душ, высушил волосы феном – спешить было некогда. Собрал вещи в сумку и направился к выходу.

Сообщение тренькнуло, когда я неторопливо шагал по расчищенному тротуару. Так-так-так, сейчас посмотрим. Я вытащил телефон. Было бы здорово, если бы она приняла мое предложение сегодня встретиться. И тут меня толкнули в спину так, что телефон вылетел из рук в сугроб, а сам я чуть не упал.

– Шевелись! – рявкнул проходящий мимо парень в куртке «Динамо».

– Ползешь как обгаженный! – бросил второй, обернувшись.

Это был патлатый блондин примерно моего возраста. Ах ты ж!.. Я скорее на рефлексх скатал снежок и залепил ему в спину. Потом вынул из снега телефон, сунул его в сумку и посмотрел на парней. На сегодняшней тренировке я их не видел, значит, оба из дубля или из молодежки... Нет, все-таки из дубля.

Блондин остановился. Медленно развернулся и, набычившись, двинулся ко мне. Его приятель уже перепрыгнул через ограждение и замер возле белого навороченного внедорожника. Швырнул сумку на переднее сиденье и рванул к приятелю.

Ясно: местная разновидность мажоров. Я уронил свою сумку в снег и приготовился вспоминать курс юного бойца, пройденный на турнире. Но начать все же решил с другого. Мало ли.

– Здорово, парни! – Я пошел навстречу, протягивая руку. – Будем знакомы, я Саня! Будем играть вместе!

Резво семенящий ко мне блондин сбавил скорость, видя, что убежать я не собираюсь. Темноволосый схватил приятеля за куртку, потянул назад, но блондин не остановился.

Приблизившись и игнорируя руку, он сплюнул мне под ноги, приложил руку к уху:

– Как? Повтори? Маня?

– Саня, – невозмутимо поправил я.

Не он первый, кто меня провоцирует в этом мире.

– Больше похож на Маню. Мне по барабану, кто ты, играть с нами не будешь, Маня.

– Ты тренер? – делано удивился я. – Глухих берут в тренеры?

– Нет... Ты охренел? – Он дернулся ко мне и резко симитировал удар, в последний момент сделав вид, что поправляет прическу.

Я даже не дернулся, спокойно ответив:

– Ну, тогда и не тебе решать, буду я играть или нет.

– Как же ты будешь играть со сломанными ногами? – гоготнул блондин.

– Парни, зачем вы нарывааетесь? – спокойно поинтересовался я. – Это может быть опасно, вы ведь не знаете, кто я. Вас разве не учили, что с малознакомыми людьми лучше вести себя вежливо?

Темноволосый сплюнул себе под ноги.

Так, похоже, мои слова больше напоминают провокацию, вон и второй набычился.

– Дерьмо ты нищевродское, колхозник, – процедил он. – А ты знаешь, кто мы?

– Сразу три оскорбления в одном предложении! И угроза! – Я радостно оскалился, хрустнул кулаками, но все же решил не накалять. Выпрут из «Динамо» после такого, к гадалке не ходи. – Давайте признаем, что вы неправы, и разойдемся с миром, я не буду вас бить. У меня после беспредельного турнира накопилась усталость от битья морд.

Черноволосый заржал, тыкая в меня пальцем, и продолжил петушиться:

– Жека, ты гля! Турнир! – Сжав челюсти и глядя на меня, он процедил: – Ты больше похож на черта, который бутылки за алкашами собирает. Если и участвовал в беспределе, то в мясе, и вылетел сразу, да?

Теперь белобрысый Жека потянул его за куртку и зашептал ему на ухо, но кое-что я услышал:

– ...фингал... а вдруг...

Этот Жека оказался умнее, чем я о нем подумал сначала. Ну, давай, уводи этого бычару с медленным зажиганием.

– Да плевать! – вырвался темноволосый.

– Короче, я пошел, – проговорил белобрысый. – Не хватало, чтобы еще и Киря нас выпер из-за тебя.

Он остановился возле внедорожника, наблюдая за схваткой со стороны. Задира глянул на него с возмущением – какая боль! Мушкетеры бросили Д'Артаньяна! – и попер на меня. Я даже в стойку не встал. Дождался его бесхитростного прямого, ушел вбок, сделал подсечку, роняя героя мордой в снег. Оседлал его и придушил.

– Сдашься – постучи.

Парень попался упрямый. Вспомнилось: «При поступлении в школу милиции студенты разделились на умных и сильных». Дергался, сучил ногами, чуть меня набок не перевернул. Ну точно необъезженный мустанг! Уже на последнем издыхании сдался, постучал ладонью о наст. Прежде чем отпустить его, я проговорил:

– Если еще раз быканешь, будет не только обидно, но и больно. Понял?

– Да, – хрипнул он.

Я отскочил в сторону и сказал больше блондину:

– Просто признайте, что вы неправы.

– А и пох, – ответил он. – Нам можно быть неправыми, тебе, нищевродина, нет. А я тебя запомнил.

Темноволосый встал, хрипя и держась за горло, глянул в упор, словно сканируя мое лицо, и удалился к машине...

Глава 2. Главное – хвост!

Виктор Иванович Кирюхин, он же за глаза Киря, тренер дубля «Динамо», устало оглядел столпившихся вокруг него игроков, достал планшет и похлопал им по ладони.

– Пришло заключение главврача клуба по результатам вашего медосмотра. Вы, за редким исключением, здоровы, как кони.

– Мы здоровее коней! – отшутился кто-то из-за моей спины, донеслись смешки. – А что за исключения? Погосян триппер подхватил?

Все заржали, даже Мика Погосян, маленький и очень техничный парень, перебравшийся сюда из «Арарата» незадолго до Нового года. Костенко он не устроил, и армянина отправили доказывать в дубль. А тот за пару дней после отпуска, как я понял, уже успел всем парням прожужжать уши о том, какой он героический любовник. Об этом знал даже я из разговоров в коридорах базы в Новогорске.

– Насчет триппера узнаем завтра, – ответил Кирюхин, недовольно глядя мне за спину. – Как придут результаты анализов. Впрочем, думаю, ничего там криминального не будет, а триппер, Банников, сейчас лечится в два счета, так что причиной отлынивать от тренировок не станет, даже не надейтесь!

– Эх, зря к бл...м ходил! – делано опечаленно вздохнул почти лысый коренастый парень, тот самый, судя по всему, Банников.

– Дебил, – вынес вердикт тренер. – А если СПИД?

– А если нет?

– Банников, ты у меня точно договоришься, – пригрозил тренер. – Короче, кончайте базар, развели тут... Сегодня собираемся, прощаемся с девушками, и завтра в десять ноль-ноль жду вас возле поезда «Москва – Евпатория»...

– Основной состав в Болгарию поехал, – скрестив руки на груди, проговорил Жека, блондин, с которым у меня вчера случился конфликт.

– Когда я говорю, все молчат! – рявкнул Кирюхин и добавил: – Если будете в жизни скромней, а на поле наглей, то и вы поедете. Нет же, братство вы кривоногое! То бузеть, то бухать, то как эти... – Он кивнул на Погосяна и Банникова. – По бл...м! Еще раз напоминаю, вдруг кто прослушал или недавно пришел в футбол. – Он остановил равнодушный взгляд на мне. – Сборы длятся двадцать семь дней. Жить будем в спорткомплексе «Северный», в поселке Заозерное...

– Опять перди какие-то, – прошептали за спиной, тренер шепот не услышал и продолжил:

– На вокзале Евпатории нас встретит автобус. От вас нужен паспорт. Все. Остальным вас обеспечат на месте.

Евпатория, куда я так и не попал в прошлой жизни, не то чтобы манила, но после зимней Москвы на юг прям тянуло. Жаль, не получится хорошенько посмотреть город – неизвестно, где тот поселок находится, а нам предстоит тренироваться днями напролет. С учетом трех суток туда-обратно на поезде, считай, месяц наедине с этими неприветливыми парнями, которые не только на меня косятся, но и друг с другом не особо ладят. Конечно, одного дня недостаточно, чтобы утвердиться в мнении, что эта команда безнадежна, но увиденного сегодня хватило. Это не команда, это оркестр «Кто в лес, кто по дрова».

Тренеры разбили по одним им ведомым соображениям весь дубль на два состава и отправили биться в двусторонке на покрытом снегом поле. Белобрысый Жека и его темноволосый друг Игнат, с которыми я вчера сцепился, не стали усугублять конфликт, просто смотрели на меня как на пустое место, и я попал в одну команду с ними. Оба считались мастерами, игроками замены в основе, а потому парни в дубле смотрели на них с придыханием. Ну и, конечно,

оба настроили остальных против меня. Короче говоря, поиграть снова не дали. Я то и дело читал досаду на лице тренера, когда он смотрел на меня.

Самое удивительное, мои доводы относительно того, что я хороший вратарь, не подействовали и на Кирюхина! Это был вообще какой-то бред, что и Костенко, и Кирюхин упорно пытались найти мне место на поле!

Тренер дубля тоже переставлял меня с одной позиции на другую, давая поиграть по четверть часа на каждой, и кого я только не заменял – левого, центрального и правого защитников, опорника, правого вингера, нападающего-столба... Ладно, вчера я себя показал нормально, потому что, на минуточку, был лучшим игроком в мире! Но сегодня... сегодня, даже если бы партнеры играли со мной в пас нормально, все равно бы опозорился, а уж с учетом того, что они не помогали и словно не видели меня, осрамился вдвойне.

В общем, авторитета сегодняшней матч мне не прибавил, а только усилил и утвердил распускаемые Игнатом слухи о том, что я чей-то протеже, наверное, жених дочери какого-нибудь высокопоставленного генерала, раз меня, неумеху, взяли в команду.

И вот с этими не сказать чтобы дружелюбными парнями мне предстоит провести месяц. Месяц изоляции!

Ладно, парни, плевать, я собирался тренироваться и доказывать. Беспокоило другое – природа звала реализовать основной инстинкт!

Утром я проснулся не только с бешеным стояком, но и с осознанием: я на целые сутки худший в мире любовник. Нормально?

Вчера Лиза наконец-то ответила на мое сообщение – третье или четвертое по счету – и согласилась пойти со мной на свидание, сказав, что сообщит сегодня, где встретимся, и я твердо надеялся вступить с ней в горизонтальные отношения, ведь весь следующий месяц такой возможности не будет, и такая подстава! Но, откровенно говоря, мне было плевать, какой там Нерушимый любовник, главное, член реально нерушимый! Боевой боец мой тверже стали, таким только орехи колоть! Ну, или в хоккей играть! А раз так, осталось только не промахнуться. Ну и соблазнить даму, разумеется...

Ночевал я, кстати, у тети Розы Рубинштейн, старой знакомой Льва Витаутовича. Из рассказов Витаутыча мне представлялось, что тетя Роза – этакий шпион в юбке, Мата Хари и Наташа Романовы в одном флаконе, а на деле оказалось, что это бабуля, которой сто лет в обед. Разве что взгляд ее стальных глаз был таким, с каким, думаю, чекисты кололи предателей Родины.

Тетя Роза выделила мне комнату и пообещала кормить завтраками за сущие копейки – пятьсот рублей за ночь. На наши – пять косарей, нехило так. Я мог бы пойти в отель, мне бы самому там было спокойнее, но бабуля, оттаяв, рассказала много чего интересного и о Льве Витаутовиче, и о современной Москве, а такая информация стоила дороже пятихатки.

Утром старуха накормила меня пролетарским бутербродом и парой яиц вкрутую. К чаю были сухари и сахар вприкуску.

– Надумаете привести даму в гости, юноша, проследите, чтобы не сильно стонала. У меня сон чуткий.

С таким напутствием она отправила меня на первую тренировку в дубле. Стояк, поутихший во время завтрака, при виде симпатичной соседки тети Розы снова проснулся, и к метро я шел, чуть ли не ламбаду танцуя. Правда, боец сразу поник, стоило мне переступить порог врачебного кабинета.

Короче, я твердо решил, что, если все сложится (а я был уверен, что так сложится), заночую сегодня у Лизы. Ну, или она у меня, и плевать на чуткий сон тети Розы. А что плохой любовник... даже худший в мире. Разве это совместимо с тем, что выдает мой организм? Уж как-нибудь не промахнусь, или сама Лиза поможет, девушка-то прогрессивная, испорченная

тлетворным влиянием Запада, такая, небось, и порнографию смотрит, а дальше природа все сама сделает...

Или облажаюсь? Вспомнились пельмени, расплзшиеся в склизкую жижу, на даче Ирины Тимуровны... Да уж. А и пофиг, в крайнем случае прикинусь девственником (так и есть же!) и предоставлю все заботливым женским рукам...

– Эй, новенький! Как там тебя? – с приятных планов сбил голос тренера.

Ой, нехорошо, Саня, соберись, чего поплыл-то? И так обосрался в двусторонке, теперь еще и тренера не слушаешь!

– Виноват. Саня я. Александр.

– Маня! – заржал Игнат.

– Будешь так же слушать тренерские установки, надолго не удержишься. – Кирюхин прожег меня взглядом и покачал головой.

Да уж, влетел я, теперь на сборах точно пощады не будет! Но это ладно, а вот если не покажу себя... Фигово, что с первого дня тренер смотрит косо. Оно и понятно, я же еще себя не проявил, меня ему навязали. На недругов моих, сосланных за какую-то провинность, он тоже косился неприветливо, хотя оба вроде как из основы в дубль угодили. А что остальные бычат – так пройдет. Олег вон с Алексеем тоже бычили, ничего, чуть ли не приятелями стали.

Успокаивая себя так, я слушал тренера и думал, что мне ой как нужна разрядка! Уже психую на ровном месте, на людей кидаюсь. Вот зачем снежок вчера швырнул и с Игнатом потом сцепился? Все-таки у Звягинцева гормональный фон был, гхм, помягче.

– Так что, игроки, жду вас завтра ровно в десять на Курском вокзале, билеты раздам на месте, – завершил Кирюхин. – Не забудьте паспорта. И головы.

– Ноги, главное – ноги! – пошутил престолицей улыбчивый парень.

– Хвост! – продолжил Мика Погосян.

– А вот хвост лучше оставить дома, пусть не мешает, – на полном серьезе заметил Кирюхин. – Бабам своим оставьте, целее будет.

Грянул смех. Футболисты отправились в раздевалку, обмениваясь шутками про хвост, а меня Виктор Иванович подозвал к себе. Очкастый, низкорослый, толстый, с обрюзгшим лицом, он напоминал помесь бульдога с бочонком, причем пивным.

– Александр, – проговорил он, когда все ушли. – Надеюсь, ты понимаешь, что наше сотрудничество не гарантия того, что тебя возьмут в нашу сработанную команду, которая полностью укомплектована.

– Я игрой докажу, что достоин остаться.

– Ценю рвение, но его недостаточно. Как и твоей физической подготовки. Нагрузки будут очень высокими. Очень. Мы будем тренироваться целый рабочий день. Если не уверен в своих силах, лучше сразу отказаться.

Он очень хотел, чтобы я так и поступил. Но нет, товарищ Кирюхин.

– Уверен, что справлюсь, – стоял на своем я.

– Надеюсь, что ты займешь достойное место в команде.

В раздевалке я сразу же глянул в телефон, и губы сами растянулись в улыбке. Лиза Вавилова мне написала! Я даже не открыл сообщение, а боевой боец поднялся, восстал, как Спартак в Древнем Риме, и мне пришлось поворачиваться к распахнутой дверце раздевалки.

«Как дела? Как футбол? Жду тебя в 18:00 в Одессе», – писала она, и я прямо чувствовал, как за этими скупыми строчками стоит ее улыбающееся лицо.

Минутку, а что за Одесса? Она что, улетела в Одессу? Вроде вчера, когда я приехал, была в Москве... Или это какое-то известное место? Я решил подыграть. Улыбнувшись, написал:

«В Одессу к шести не успею, уже смеркается. Четыре вечера!»

Она ничего не ответила, и, мучаясь сомнениями, верно ли ответил девушке, я доехал на клубном автобусе из Новогорска до станции метро «Новые Химки», которая в моей реальности была только в планах, здесь же она завершала фиолетовую ветку.

Ответила Лиза, когда я вышел из автобуса. Вместо слов прислала смайлик и фотографию из Александровского сада, с аллеи Городов-героев: мемориал Одессы и две гвоздики сверху. Теперь ясно, где ее искать.

У меня оставалось два часа. До места, станции «Площадь Ногина», в моей реальности «Китай-город», мне добираться минут сорок, ну, час, благо по прямой фиолетовой ветке. Потом надо будет пройтись минут пятнадцать или десять. Потому перед свиданием я решил чем-нибудь перекусить, например, отбивной – растущий организм требовал топлива. Такое впечатление, что, дай ему волю, он ел бы все время. Как раз и неплохая столовая нашлась прямо возле станции метро – коммерческая, вроде пластикового павильона.

Улыбчивая официантка принесла заказанную отбивную с картофельным пюре и салатом, два стакана компота и, виляя бедрами, удалилась. Стояк пришлось прятать под столом, и только еда немного успокоила.

Орудяя ножом и вилкой, я вспоминал, как писал Лизе все время после Нового года, но она отвечала или небрежно, или спустя долгую паузу. Скорее всего, она из вздорных девиц, которые сразу не пишут из принципа, чтобы показать свое равнодушие и подогреть интерес. Но написала же! Согласилась встретиться! Значит, полпобеды в кармане, уж у меня есть что рассказать, а известно, что девушки любят ушами.

В общем, в метро я спускался сытый и благодный. Своего я добился, меня, можно сказать, взяли в «Динамо», самая красивая девушка в мире согласилась со мной встретиться – а что еще надо для счастья? На входе в метро я затупил: непривычно было перемещаться без досмотра, на который моя сумка просто напрашивалась, и людей в форме.

Они, конечно, тут были, но не отвечивали, сидели за мониторами и по камерам следили за пассажирами. Стоило появиться подозрительному человеку, как его засекала система распознавания лиц и поступал сигнал дежурным, которые находились в пункте охраны на входе и выходе и сразу же реагировали. Как я уже слышал от Льва Витаутовича, в Москве порядка было больше, чем на периферии: товарищ Горский бдел. Потому, как и в моей реальности, все стремились жить в Москве.

Хотелось, конечно, проехать по столице в автобусе, желательно двухэтажном экспрессе, чтобы сравнить эту Москву с той, которую я знал, но на метро было надежнее. Не последний день в городе. Но и того, что я увидел, хватило, чтобы понять: эту Москву не обезобразили выкидыши лужковской эпохи, будто собранные малышом из разных конструкторов, а то, что строили сейчас, вписывалось в ансамбль. Разрешались к постройке только здания наподобие сталинских высоток. Пластик, хром и металл – только за пределами ТТК. На Киевском вокзале опухоль торгового центра не сожрала площадь. Как рассказала тетя Роза, сохранились рынки: Тишинский, Птичка, Рижка, Горбушка...

Впрочем, было немного печально, что эта реальность потеряла целый исторический пласт, увенчанный несуразным фаллическим зелено-голубым небоскребом, который есть в каждом более-менее крупном городе. В Москве моего мира такой торчал на Павелецкой.

В метро, открыв приложение, я активировал кнопку «Оплата», приложил экран к сенсорной панели и прошел через турникет.

На станции дождался свою электричку, двери вагона закрылись, и побежали буквы на сенсорной строке: «Планерное». Сразу же надпись продублировалась голосом.

Преисполненный светлых чувств, прижавшись к стеклу в конце вагона, я вспоминал нашу с мамой поездку в Москву. Мне было десять лет. Поезд я помнил смутно, а вот Птичку, то есть птичий рынок, – так, словно только вчера там был. О, чего там только не продавалось! В родном Саратове не приходилось видеть таких рыбок, попугаев и тем более змей и чере-

пах. Я тогда мечтал о цихлазомах, но им нужен был большой аквариум, в чем мне категорически отказали. Потому я просто вперился в аквариум, куда их поместили всей толпой, хотя этого делать категорически нельзя! Смотрел на небольшую рыбку, засевшую за корягой, пока остальные гоняли друг друга, и представлял, как посажу ее отдельно, сделаю корягу. О, какую корягу я нашел на берегу реки!

Аж захотелось сходить на Птичку. Не обзавестись питомцем – просто посмотреть, повспоминать. Я нашел информацию о рынке в Интернете... тьфу ты, в Комсети, и углубился в чтение.

Мне нужно было проехать туеву хучу станций, выйти на «Площади Ногина», но это нестрашно, ведь я имел пятнадцать минут в запасе. Или даже больше, если доедем быстрее, чем за сорок минут.

Мы ехали, ехали и ехали, покачивался вагон, пассажиры сменялись. Если сравнивать с известной мне Москвой, особой разницы нет: так же чисто, так же люди читают, в вагонах сборная всех народов СССР. Я глянул на табло, где бежали красные буквы: «Пушкинская». Через одну мне выходить. Что-то долго мы ехали. Хорошо, что оставил запас времени, а то опоздал бы на свидание. Я собрался пробираться к выходу, но у дверей сгрудилась толпа школьников, пришлось ждать, когда они выйдут.

– «Пушкинская»! – разнесся по вагону радостный голос. – Пожалуйста, не оставляйте свои вещи! Следующая станция – «Кузнецкий мост».

Что??? Я рванул к выходу, расталкивая народ, но не успел – створки закрылись, и электричка покатила дальше. Это же сколько станций я проехал?

Рядом засуетилась женщина, нажала на красную кнопку сообщения с водителем и прокричала:

– Але! Да? Слышно меня? Тут это... неправильно станции объявляют! Люди нервничают.

Да уж, нервничают. На часах было без двадцати шесть. Твою налево! Но ничего, успеваю. Выскочив на очередной «Пушкинской», я глянул на схеме, где нахожусь: «Пролетарская». Фух, недалеко. Пять минут, и на месте. Развернувшись, я принялся ждать электричку в обратную сторону.

Ближайшая была так забита, что никак не втиснуться. Скрипя зубами, я дождался следующую. Оттолкнул толстую тетку и полез вместо нее. Двери не смогли закрыться, и под вопли недовольных пришлось подналечь. Дед передо мной аж весь затрепал, заскрипел, сыпя песком. Как бы не задавить его насмерть...

Вышел я на «Площади Ногина», как и планировал. Перекинул сумку через плечо и рванул к выходу, расталкивая пассажиров метро и извиняясь направо и налево.

Путь к эскалатору мне преградили два милиционера: один лет тридцати, с густыми рыжими усами, второй лет двадцати на вид, маленький и широкоплечий.

– Дежурный сержант Михалев, – представился молодой. – Пройдемте с нами.

– Причина задержания, сержант? – поинтересовался я.

Звягинцев внутри понимал, что все нормально, обычная проверка, видимо, сразу увидели во мне приезжего, а вот юный Нерушимый, опаздывающий на свидание, чуть не зарычал от ярости.

– Вот ты нам и расскажешь, от кого убежал... гражданин, – ответил Михалев.

– Проверка документов, – ответил товарищ постарше, усатый. Он продемонстрировал мне корочку – Капустин Е. В., старший лейтенант. – Не волнуйтесь, гражданин, проверим и отпустим. Побежите дальше по вашим, не сомневаюсь, очень важным делам.

Сержант Михалев гоготнул и, перебирая ногами, как конь на привязи, добавил:

– Деловой, да? Вот и посмотрим, что ты за деловой.

Я присмотрелся к нему... Так, понятно. Очень хочет отличиться и очень надеется, что я в розыске. Что ж, придется его разочаровать.

Глава 3. А зачем нам кузнец?

Московские менты – это особый вид милиционеров в моем мире. Так сказать, привилегированный класс. Слышал, много среди столичных стражей порядка приезжих, но эти двое, в этой Москве таковыми не выглядели. Вряд ли они претендовали на взятку, скорее это была просто формальность – показался подозрительным резкий молодой человек, вот и решили проверить. Правда, очень не вовремя. Меня, наверное, Лиза уже ждет.

Рассчитывая на человечность правоохранителей, я потянулся в нагрудный карман за паспортом, достал его и протараторил:

– Систему оповещения метро заело, она стала неправильно объявлять станции, и я проехал свою. А дело у меня и правда очень важное – я к девушке опаздываю.

– Молодой человек, пройдемте, это недолго, – повторил Капустин, старший милиционер.

– Топай. – Сержант пихнул меня в плечо, качнув головой на будку.

– Ну пойдете, раз так, – кивнул я.

И пошел в их сопровождении в пункт наблюдения, похожий на цветочный ларек в подземном переходе.

– Что в сумке? – не унимался молодой Михалев.

– Форма, – ответил я.

Форму эту мне выдали еще в Лиловске, от тамошнего «Динамо», а здесь она, разумеется, не пригодилась – клуб серьезный, все выдают новое даже дублерам.

– Ну-ну? – хмыкнул сержант. – Еще скажи – военная.

– Да нет, спортивная.

Я зашел в пункт наблюдения, где еще двое милиционеров глядели в многочисленные экраны, искали нарушителей среди пассажиров. Так-так... Похоже, в метро я вел себя нервно, толкался, бегал и привлек внимание еще в вагоне.

Пока старший пробивал меня по базе, Михалев распорядился:

– Показывай форму. Посмотрим, что еще за форма.

Я покосился на часы на стене, было без семи минут шесть вечера. Скрипнул зубами. Некрасиво, ой как некрасиво опаздывать на первое свидание! После такого мне весь вечер придется вину заглаживать.

– Виснет система, – обернувшись, пожаловался наблюдатель справа.

Да, блин, именно что виснет! Давайте уже быстрее.

Постовой с усами сказал, щелкая кнопками своего компа и морщась:

– И правда ведь виснет, зар-раза!

Я сел на корточки, расстегнул сумку, надеясь, что, увидев динамовскую форму, менты станут добрее.

– Смотрите, обычная футбольная форма. Сегодня только выдали.

– Оп-паньки! – азартно воскликнул Михалев. – А это что?

Искренне изумившись его реакции, я заглянул в свою сумку. Помимо формы, там валялся пакетик с какой-то сушеной травой! Сердце заколотилось. Откуда? Кто? Неужели эти менты? Но как успели и когда? И почему именно я? Или это кто-то из недругов в раздевалке подкинул? Кадрами замелькало мое вероятное будущее: наручники – СИЗО – суд – поезд куда-то на север – камера – лесоповал – туберкулез...

Отпихнув меня, Михалев азартно закричал:

– Товарищ старший лейтенант! Наркотики!

Усатый напрягся, расслабленность как рукой сняло. Я непонимающе захлопал ресницами, переводя взгляд с одного лица на другое. Рьяный Михалев хотел поскорее меня закрыть и получить премию за то, что обезвредил опасного преступника.

– Еще скажи, что это не твое. – Михалев указал на пакет с травой.

Горло будто сжала чья-то рука, стало трудно дышать. Вот и все, Саня, приплыли. Но откуда там трава, кто подбросил? Пока сознание оцепенело, Капустин, который просто хотел выяснить, что в пакете, потянулся к нему, говоря:

– Да кто ж в таких пакетах запрещенную-то траву возит! Тут же целое состояние. Дилеры по маленьким кулечкам расфасовывают да по коробкам спичечным. Хотя...

Он раскрыл клеенчатый пакетик, понюхал содержимое, шевеля усами. На его лице появилось недоумение. Все остальные милиционеры отвлеклись от камер и с интересом уставились на нас, замерли в предвкушении. Страж порядка сунул в пакет палец и попробовал траву, замер, прислушиваясь к ощущениям. Я тоже замер, и сердце мое замерло, и ретивый боец пообещал быть паинькой.

Наконец усатый хмыкнул.

– Ха! Это укроп сушеный.

Мои ноги ослабели.

– Позвольте присесть. – Я нащупал свободный стул и опустился на него, вытирая со лба выступивший пот.

– Ты, никак, удивлен? – прищурился старший лейтенант Капустин.

– Еще бы. Жизнь перед глазами промелькнула. Это ведь реально не мой пакет! Черт знает, как он там оказался.

– Ясно как, – с неким разочарованием проговорил молодой. – Кто-то пошутил.

– Ты, Александр, лучше подумай, кто тебе подкинуть такое мог, – посоветовал Капустин. – Потому что сегодня это шуточки, а завтра...

Пока он взял паузу, я думал. Список подозреваемых сократился ровно до двух лиц: Жеки и Игната, которые вели себя на удивление спокойно. И ведь у них хватит денег и подлости подбросить что-то посерьезнее. Да и если не посерьезнее... Например, слабительное в компот подсыпать перед каким-нибудь матчем. И нужно что-то с этим делать, как-то разбираться.

Капустин тем временем достал мои бутсы, подержал в руке, вытащил футболку и замер, глядя на логотип клуба.

– Ух ты! Динамовец, что ли?

– Ага. За московское «Динамо» играть приехал. Возвращаюсь с первой тренировки, на днях едем на сборы.

Молодой Михалев растерянно захлопал глазами и обратился ко мне:

– За «Динамо», правда? Так ты, выходит, нашенский?

– Вашенский, только пока не оформлен, – через силу улыбнулся я. – Позвоните в клуб, Максим Романович подтвердит.

Усатый Капустин заулыбался:

– Костенко? Ну, раз так... – Почесал усы. – Да уж, хорошие игроки нам не помешают! А то четырнадцатое место – стыд и срам... Вот только вместо хороших, смотрю, набирают совсем какой-то балласт! – Он глянул на меня неодобрительно. – А нормальных отпускают! Вон Федьку Смолова переманили минчане, сволочи!

– Помнишь, летом бомжам болотным продули? – снова обернулся дежурный справа. – Когда такое было? Этот «Зенит» ленинградский все в хвост и в гриву, даже «Кайрат» их шесть – ноль унизил, а мы? А мы им дома влетели! А теперь еще хуже все будет, помяни мое слово!

Часы показали восемнадцать ноль-ноль. Ну все, хана мне. Лиза уже, наверное, достает из сумочки гильотину. Или звонит деду, чтобы тот уничтожил карьеру одного отдельно взятого индивидуума с фамилией Нерушимый.

– Можно мне идти? – Я сделал жалобное лицо. – Я к девушке опаздываю, мужики! Уже опоздал!

– Не положено! – отчеканил молодой.

Однако его старший товарищ все же сжалился, вернул мне паспорт, а ретивому коллеге, скривившись, сказал:

– Товарищ Михалев, уймись. – Видно было, что этот молодец достал всех своей активностью. – Излишнее рвение хорошо сами знаете где. На бабе! А здесь тоньше нужно, деликатнее, с людьми, как-никак, дело имеем! Видно же – хороший парень. А бежал он, потому что опаздывал к девушке. Можете идти, товарищ Нерушимый, только вот здесь автограф свой поставьте. Авансом. С такой фамилией вам прямая дорога в сборную назло буржуйским комментаторам, пусть языки ломают, а-ха-ха!

– И мне! – оторвался от просмотра дежурный, тоже начав смеяться.

– А укроп сушеный нужен? – подал голос четвертый милиционер. – Если нет – жене заберу!

Я размашисто расписался в одном распахнутом блокноте, во втором, пожал протянутые руки и рванул прочь, закинув сумку через плечо.

– Удачи, Саша! – донеслось в спину.

– «Динамо» – чемпион! – прокричал я на ходу, на миг задержавшись перед стеклом наблюдательного пункта.

Вполне человеческие менты, понимающие. Уверен, что и без динамовской формы они бы меня отпустили. Позже, но отпустили бы.

Вот же угораздило, думал я, перепрыгивая ступеньки эскалатора, движущегося вверх. Жарко, душно. Взмок, как конь. А сейчас уже 18:05. Еще и бабка с баулами дорогу перекрыла, быстрее не проскочишь! Твою мать, как некрасиво! Вся надежда, что Лиза тоже опоздает.

На аллею славы я прибежал в 18:15, с букетом из пятнадцати белых роз на коротких стеблях, купленным в переходе. Огляделся, но не обнаружил следов Лизы. Психанула и ушла? Похоже на то. Или просто наказывает меня, спряталась где-то и наблюдает. Что ж, подождем.

Я глянул в телефон, надеясь, что сообщения нет, но оно там было!

Ровно в 18:00 Лиза написала: «Ты где?»

«На месте. Жду», – запоздало ответил я.

Значит, все-таки она тут была и ушла. Я сжал кулаки, запрокинул голову и выругался. Принялся оглядываться, силясь рассмотреть ее среди прохожих.

Парк просматривался насквозь. Сквозь стволы я разглядывал Охотный ряд, совсем не такой, как был в моей реальности. Здесь Александровский сад от Охотного ряда отделял заполненный водой искусственный овраг. Там, где в моей реальности стояли кони, было небольшое озерцо с перекинутым через него кованым мостиком и какой-то статуей.

Вот же я олух! И время дополнительное оставил, и все равно опоздал. Не надо было жрать после тренировки. Эх, Саня, прожрал ты свое счастье! Ясно, что Лиза не первоочередная цель, но все равно обидно – остался без секса. Не искать же, как Погосян, бл...дей!

Мысль, при первом обдумывании неприятная для такого брезгливого человека, как я, вдруг показалась нормальной. А чего нет-то? Я парень теперь обеспеченный, денег полно, не женат, даже девушки, похоже, своей нет, так чего я сомневаюсь? Трахаться хотелось до скрежета зубового, аж пар из ушей шел! Сам удивляюсь, как штаны не запачкал – наверное, из-за холода собачьего, все-таки продрог я реально.

Простоял я так десять минут, волнуясь, что цветы замерзнут и поникнут, потом решил погреться в подземном торговом центре, если он, конечно, есть в этой реальности.

Только собрался снова писать Лизе, как ощутил чей-то взгляд и увидел в Охотном ряду на мостике, переброшенном через овраг, фигуру в длинной шубе в пол – Лиза! Девушка улыбалась и усиленно мне махала.

Все-таки пришла, надо же! Камень с плеч свалился, я заулыбался, в ответ помахал букетом и побежал навстречу, к оврагу. Мир сразу заиграл красками, и я заметил, что давно стемнело, но светло, как днем, благодаря мигающим гирляндам, украсившим деревья, и рез-

ным фонарикам – подвесным и стационарным. Через овраг перекидывались десятки кованых мостиков, по тому, где свешивала ноги в воду бронзовая Аленушка (не такая, как в моем мире), я пробежал над прудом, отмечая, что нет пузатых белых балясин и террас с зелено-жабьими стеклами магазинов, как помнилось мне.

Площадь осталась площадью. Между присыпанных снегом вазонов располагались скамейки под навесами. Все ограждения – кованые металлические. Не аляповатая безвкусица, а изысканная строгость. Так же и фонтаны. Там, где в моей реальности была крышка подземного торгового комплекса, стояло сооружение, напоминающее крепостную стену кремля с арочными воротами трех лифтов, откуда выходили люди. С другой стороны, видимо, были лифты на вход.

Лиза ждала у обрыва оврага. На ней была все та же соболиная шуба и такая же шапка, отчего внучка генерала Вавилова напоминала то ли княгиню, то ли Снежную королеву и выглядела старше своих восемнадцати... Стоп! С чего я взял, что ей восемнадцать?

– Самой красивой девушке в мире, – проговорил я, ничуть не лукавя, и протянул ей букет. Она взяла цветы и посмотрела требовательно.

– Извини за опоздание. Менты, то есть милиционеры задержали, хотели документы проверить, но система зависла...

Лиза глянула мне за плечо, и оттуда промурлыкали:

– Ну, хоть не мусора. А то деду Лизоньки было бы обидно.

– Милиционеры, да, – подтвердил я, не оборачиваясь. – Сотрудники органов правопорядка, если так понятнее.

– Ага, взяли и задержали. Интересно, за что? – Девушка нахмурилась. – Нарушал общественный порядок? Крушил метро, спасал отечество?

– Э...

– А потом его украли инопланетяне, – проворчали из-за спины и вынесли вердикт: – Да уж – неубедительно.

Из-за моей спины вышла девушка с полными губами и чуть раскосыми глазищами, распущенными черными волосами ниже пояса и в коротком красном пальто. Даже шарфа у нее не было, чтобы прикрыть декольте, где плескались огромные груди. От такого зрелища я нервно сглотнул и невероятным усилием воли смог отвести взгляд от двух атомных полушарий.

– Ты ври, да не завирайся, – грудастая незнакомка улыбнулась и встала возле подруги.

Лиза покосилась на нее с недовольством и уронила:

– Арина, это Александр, про которого я тебе рассказывала. Саша, это Арина, моя подруга.

«Про которую она мне не рассказывала», – мысленно завершил я. Вспомнилось: «Нужен ли нам кузнец?» Я краем глаза оценил полушария – пятерка, не меньше. Такой кузнец нам нужен!

Что это за Арина? Зачем она здесь? Нет, я, конечно, не против, но... От пошлых картинок и вульгарных мыслей в голове Звягинцев пришел в ужас, но даже ему стало интересно – а каково это, ласкать такое?

Арина протянула мне руку, но целовать я ее не стал, просто пожал тонкие пальчики с яркими ногтями. Чувал, что это своеобразная проверка.

– Очень приятно, – сказал я, после чего в воздухе ненадолго зависло молчание.

«Мент родился», – снова вспомнилось, и тут же Арина нарушила тишину:

– А ты чего молчишь, Лизхен? Скажи ему, что устала его ждать и решила встретиться с лучшей подругой. – Она забрала у Лизы букет, рассмотрела его придирчиво, как банковский оценщик, понюхала. – Сойдет! Букет свежий, не веник какой, но видно отсутствие понимания культурного кода. Выбирал, скорее всего, по принципу «нравится, но чтоб подешевле», не учитывая сезон, обстоятельства и повод.

– Арина из Лиловска, – пояснила Лиза. – На международных отношениях учиться. В МГИМО.

Выглядела она раздраженной, усталой, словно хотела поскорее исполнить все формальности и уйти. Я посмотрел на нее другими глазами, прозревая.

Там, в Лиловске, после турнира, когда решил, что она что-то ко мне испытывает, я ошибался. Женщины инстинктивно тянутся к сильным, а я на ее глазах одолел всех и ушел непобежденным с турнира. Дед, думаю, объяснил ей, почему я не вышел на финальный поединок, что прибавило мне еще пару баллов в ее глазах. Опять же, бунтарство, а для нее я, детдомовский неуч, деревенщина, дикий зверь, был своеобразной экзотикой. Здесь же, в Москве, эти зародившиеся отношения ее тяготили, виделись совершенным мезальянсом, она меня стыдилась. При этом мадам, очевидно, из приличия не захотела просто продинамить, закинув меня в игнор, – все же я ей, наверное, нравился, – а потому предоставила замену. Типа поносила шубу – не подошла, вот, примерь, вдруг понравится?

Слышал, мужчины так делают: передают подруг, которые не очень нравятся, приятелям. Но чтобы девушки...

Планов на меня Лиза не имела, встречаться со мной не хотела. Так, жалела немного – не более. Не удивлюсь, если по поводу моих настойчивых предложений встретиться девушка консультировалась с матерью, а то и с самим дедом – генералом Вавиловым.

Похоже, свидание, которое обещало быть приятным, превращается в очередное испытание. Для основного состава вы, Александр, слабый игрок, потому вот вам дубль: Арина. Что ж, дублеру «Динамо» – дубль генеральской внучки. Ну, хоть студентка из МГИМО, а не кассирша из продуктового. Спасибо, Лизонька.

– Чего примерз? – ехидно улыбнулась Арина, взяла меня под руку и потянула за собой. – Давай, выгуливай девушек, которые из-за тебя тут чуть не околели.

Плотно изучив выпирающую грудь, я прижал ее владелицу к себе, проигнорировав Лизу. Послезавтра на сборы, где запрут нас на базе и будут гонять с утра и до отбоя, так что к черту интеллигентские рефлексии, нужно спускать пар любой ценой. Если не дать выход напряжению, на базе, полной мужиков, мне придется совсем туго. И так уже на людей с кулаками бросаюсь, психую по поводу и без.

Покосившись на Лизу, я заметил, как она закусил губу. Ага, не нравится девушке, что я так легко ее променял на низкоранговую в ее понимании подругу. Что ж, сыграем на этом, а там куда кривая выведет, потому что сдерживаться и дальше я не собираюсь.

Так что сегодняшней ночью я не дам уснуть ни ему, ни той, кого он будет ублажать.

Пришла очень тихая мысль, не мысль даже – шепот, что неспроста меня так рвет на хомячков и аж сил нет держаться. Возможно, дело в откате: был худшим лгуном – хотелось врать, просто как будто кто-то за язык тянул, был худшим поваром – руки сами к продуктам тянулись. Теперь я худший любовник, и мне безумно, до скрежета зубовного хочется женщину, и правильнее...

«Не правильнее!» – взревел тестостерон и забурлил по венам, прогоняя такую лишнюю назойливую мысль.

Глава 4. Если б я был султан...

– Обожаю гулять по праздничной Москве! – театрально воскликнула Арина, отпрянула от меня и, раскинув руки, закружилась. – Лиза, сфоткай меня вот здесь, на фоне театра.

– Это музей, – проворчала Лиза, прицеливаясь камерой, – тут одни музеи, театр дальше.

Арина отмахнулась и выгнулась, как Мэрилин Монро. «Фигурка что надо!» – подумал я, и не уверен, что головой.

– Еще вот так сфоткай. И вот так! – Она подняла руки вверх, чуть запрокинув голову. – Снизу фоткай, чтобы ноги казались длиннее.

– Куда уж длиннее, – сказал я.

Ноги, обтянутые кожаными ботфортами, у Арины были о-го-го. Длиннющими. Но – как макаронины. В общем, если бы грудь Арины приставить Лизе или, наоборот, бедра и ноги Лизы – Арине, получилась бы секс-бомба. Девушка тотчас выложила фотографию на своей страничке в Комсети.

– Девчонки, а давайте я вас вместе сфотографирую! – предложил я.

Подруги... или кто они там? змея и черепаха? ...зыркнули друг на дружку, обнялись и сделали надменные лица.

– Лиза, ты прямо как Снежная королева.

– А я разбойница! – воскликнула Арина.

Клац! Клац! Клац!

Арина повисла на мне, рассматривая фото, Лиза холодно глянула на экран.

– Я себе на память оставлю, – улыбнулся я, чувствуя, как меня захватывает азарт.

– Ага, будешь ночами, гхм, вспоминать? – с подначкой спросила Арина.

– Конечно, – сделал я вид, что не понял. Взял обеих под руки и повел на Красную площадь. – Как таких красоток – и не повспоминать!

Арина хотела веселья, причем активного – тусоваться и зажигать, в девушке просто кипела жизнь, а вот чего желала Лиза – непонятно. Похоже, она и сама не знала.

– Лиза сказала, ты боец? – затеяла беседу Арина. – Вроде бы даже в нашем лиловском турнире каком-то участвовал?

Я глянул на Лизу, та отвернулась. Ну да, участвовал. И не соврала ведь.

– Было дело, – отмахнулся я. – Но сейчас занимаюсь футболом. Взяли на просмотр в «Динамо».

– На просмотр? Это как?

– Могут взять, могут не взять. Завтра еду с командой на сборы, нужно будет там себя показать лучше, чем те игроки, что есть.

– Ой, – искренне расстроилась Арина. – Уже завтра?

– Да, завтра утром.

– Но все равно очень круто! Вообще супер! Слышала, даже у молодых футболистов в двадцать лет уже и квартиры, и та-а-акие тачки! – Арина закатила глаза и посмотрела так, словно хотела меня съесть. – И по загранкам они ездят! И квартиры не в худших районах! Был у одной моей знакомой парень-футболист, в шампанском ее купал...

– Замариновал и съел? – вскинула бровь Лиза.

Ей, молча слушавшей наш диалог, теперь очень хотелось, чтобы Арина исчезла.

Интересно девки пляшут... Кто-то хотел о меня свое самолюбие почесать? Ну-ну.

В этот момент у Арины зазвонил телефон. Прошептал: «Мама», – она отбежала в сторону и зашептала, прикрыв трубку рукой.

– Может, папочка? Волнуется, где это доченька шастает, – проговорила Лиза, имея в виду не отца, а папика, но Арина не реагировала, просто не слышала ее.

Закончив, подошла к нам, улыбнулась и промурлыкала, не сводя с меня глаз:

– Так вот, этот футболист ей сумочку привез – настоящую «Дольче Габбана»! И духи той же фирмы. Один раз брызнешься – неделю пахнет!

– Да что ты рассказываешь, у наших такой же запах.

– Потому что те, твои, подделка! А у нее настоящие, заграничные!

– Настоящих заграничных ему взять неоткуда, – примирил их я. – Границы-то закрыты, и еврокубки проходят без наших команд. – Сделав паузу, добавил: – Пока. Этой осенью – с нашими.

– Ой, как интересно! – воскликнула Лиза, но прозвучало это с такой едкой иронией, что я замолчал, не став продолжать. – А давайте пойдем в «Нептун»!

Понятно – про футбол им неинтересно, интересно про «Нептун». Только я задумался, что за «Нептун» такой, может, клуб по водному поло, как Арина объяснила:

– Да ну нет, уныло, дорого, одно старичье, никто не танцует.

Ясно, это какой-то местный понтовый ресторан.

– Ой, да ладно... – протянула Лиза. – В прошлый раз мы с Ирккой так зажгли, что весь центр дрожал!

– Так то суббота была, а сегодня вторник, – напомнила Арина, – к тому же еще семи нет, даже музыканты не пришли. Если ты голодная, тогда пойдем в «Биг Бутер». Саша, ты покормишь бедную студентку?

– Сама ешь этот силос, – сморщилась Лиза. – Расти пятую точку, тебе не помешает.

– А что за «Биг Бутер»? – поинтересовался я, предполагая, что это какой-то местный фастфуд.

– А я не голодная, – парировала Арина.

– Так что за заведение? – повторил я вопрос.

Лиза снизила до объяснения:

– Ну ты, Саша, и дикий. Это на Пушкинской, там был «Макдональдс». Настоящий! Говорят, все оставили так же, даже ассортимент не меняли.

– Неинтересно! – высказала свое мнение Арина и принялась селфиться на фоне елки на Красной площади.

Красная площадь, кстати, совсем не изменилась. В центре мигала и искрилась искусственная елка, а к мавзолею очередь была маленькой, человек двадцать то ли китайцев, то ли корейцев, хотя я слышал, что при Советском Союзе, чтобы посмотреть на вождя, приходилось выстаивать по несколько часов.

– If he asks us to see Lenin, he'll break my heart, – сказала Арина Лизе, что значило: «Если он пригласит нас смотреть на Ленина, то разобьет мне сердце».

Видимо, рассчитывая, что я, тупая деревенщина, не пойму. Но ответил я тоже по-английски, спасибо феноменальной памяти:

– I'd rather look at you girls. You are alive and talking, and you can be touched.

Что переводилось как: «Я лучше на вас, девочки, посмотрю. Вы живые и говорящие, и вас можно потрогать».

Ради того чтобы увидеть их квадратные глаза еще раз, я закрепил эффект припевом из Heat Waves группы Glass Animals, причем спел его, не особо фальшивя и глядя прямо в глаза Арины:

– Sometimes, all I think about is you. Late nights in the middle of June, heat waves been fakin' me out, can't make you happier now...

Закончив припев, я покосился на Лизу. Она была в шоке, в ступоре, происходящее не вязалось с ее представлениями о мире, ломало все, что она о нем знала! Безмозглая деревенщина поет на английском? Наверное, она бы так же среагировала, если бы корова заговорила или, там, дворовая собака. Даже как-то обидно стало. Это ж надо быть такой предвзятой!

А вот с лица Арины не сходила восторженно-восхищенная улыбка, особенно когда до нее дошел смысл слов, который был проще некуда – парень признавался, что временами думает только о ней.

– Какая хорошая песня, – сказала она, и глаза ее заблестели.

Лиза... Лиза жутко завидовала, и как же ей хотелось, чтобы я спел эту песню для нее на глазах Арины, чтобы завтра весь универ говорил об этом! Но не судьба, теперь это история Арины.

– Еще, – попросила она.

– Вот еще! Никаких «еще»! – не согласилась Лиза. – И от акцента его у меня уши в трубочку сворачиваются, и слова глупые. Куда идем, если не в мавзолей и не в «Нептун»? – Посмотрев на меня обвиняюще, она высказала: – Ты не говорил, что знаешь английский!

– Акцент, конечно, жуткий, но блин! – выдохнула Арина. – Ведь никто тебя не заставлял его учить? Чисто по приколу?

– Я самоучка и в разведчики не собираюсь, – ухмыльнулся я, думая о том, что Арина как раз подойдет для постельной разведки. И добавил, вспомнив: – Спасибо Комсети, там сейчас очень хорошие языковые курсы выкладывает Минвуз СССР.

– Вот уж не подумала бы, – с досадой протянула Лиза и посмотрела на меня другими глазами, зябко поведя плечами. – Пойдемте в театр. Как раз в восемь начинаются спектакли.

– Ты бы еще вон в мавзолей предложила сходить, – проворчала Арина. – Раз тебе от пения Саши скучно, не представляю, что тебя может развеселить в таком настроении, подруга.

Я представил, как, узрев полушария Арины, восстает вождь, желающий их потрогать, и рассмеялся. Лиза подумала, что над ней, и обиделась:

– Тебе вообще в театре делать нечего! Тебе разве что в цирк, над клоунами гоготать дурным голосом.

– Цирк я не люблю, но клоунов уважаю, – ответил я. – Юрий Никулин был клоуном, если что. Поумней многих был мужик.

– Да не слушай ее, Саша! – воскликнула Арина. – Как на панков в рванье ходить, пляски на пляже голышом в поисках космической энергии – так это у нее нормально!

Лиза мигом покраснела еще больше, хотя на холоде ее щеки и так алели, сжала кулачки и буром поперла на подругу:

– Ах ты дрянь! Я тебе по секрету рассказала, а ты!

– А я? А кто Саше рассказал, что у меня папик?

– Это же правда! Сама хвасталась!

– Нет никакого папика! – Арина посмотрела на меня и жалобно повторила: – Саша, нет никакого папика, это я ей наврала, чтобы завидовала.

Боже мой... Встряхнувшись, я волевым решением уgomонил боевого бойца и осмотрел диспозицию глазами не бурлящего тестостероном Нерушимого, а опытного и повидавшего жизнь Звягинцева. Передо мной стояли подруги из одного небольшого города, сейчас пытающиеся поделить парня, две вчерашние малолетки, недавно закончившие школу и теперь познающие столичную жизнь во всех ее отвратительных и прекрасных проявлениях.

Не хватало еще, чтобы они из-за меня рассорились. Я завтра уеду, а им еще вместе учиться и делить секреты.

Голос разума позволил не только самому оценить ситуацию, но и подсказал, как ее разрулить безболезненно для девчонок. В конце концов, я в Москве, с двумя красивыми девушками, а завтра утром мне уже трястись дай бог если в купейном, а не плацкартном вагоне с тремя десятками парней и мужиков. Так чего морозить себе хозяйство? Благо не нищий студент, денег после турнира при себе прилично. Как говорил классик, мне деньги жгут ляжку. Покутим, пусть девчонкам будет что вспомнить!

Я обнял обеих, притянул к себе. Арина сама прильнула ближе, я ей явно нравился, а Лиза вздрогнула, покосилась недоуменно.

– Значит так, девчонки. Сейчас мы пойдем в «Нептун», хоть посмотрю, что за чудо такое. Я вас отопрею и накормлю, а потом направим свои стопы в кино. Я бы выбрал «Трех мстителей», хороший фильм, про партизан, но вы, предполагаю, предпочтете современную «Каренину».

Лиза вырвалась, закатила глаза, повернулась ко мне передом, к Арине задом и потребовала:

– Саша, я никуда с ней не пойду. Арина меня оскорбила, и дальше мы пойдем без нее. И не в кино, а в театр.

Арина уперла руки в боки, всей душой желая повозить конкурентку лицом по снегу, но я привлек ее к себе, и она промолчала.

– Мы? – удивленно переспросил я. Это что же, она думает, что глупый мальчик не знает о ее намерениях?

– Ну да. Ты ко мне на свидание пришел, – твердо сказала Лиза.

– Я-то к тебе. А ты? – Ее щеки вспыхнули, а я продолжил, обращаясь к Арине: – Как тебе мое предложение?

Улыбнувшись, она показала большой палец и посмотрела этак исподлобья, маслянисто:

– Можем и на «Трех мстителей» пойти, это неважно, Саша. Думаю, мы найдем, чем там заняться, помимо кино.

– Что ж, «Каренина» не так уж плохо, – кивнула Лиза и с вызовом улыбнулась. – Кино так кино!

И твердо захотела остаться, чтобы испортить нам вечер так же, как мы испортили ее настроение. Ну ни фигя себе! Сама привела мне Арину, чтобы со спокойной совестью умыть руки... Или она втайне надеялась, что я откажусь от девушки, буду демонстративно не замечать ее и добиваться Лизу? Может, Звягинцев так и поступил бы. Увы, я четко считал намерение – она не считала меня за равного и стеснялась, а тут – по-английски заговорил! Песни поет на этом же языке! И в сияющую Арину вцепился! Что за безобразие, не бывать этому!

Умела бы шипеть внучка генерала Вавилова, шипела бы, но парселтанг сложнее английского, а потому Лиза всего лишь пыталась прожечь меня взглядом, причем сбоку. От таких взглядов может развиваться косоглазие – она шла рядом, я держал ее и Арину под руки. И был недостоин ее внимания, но жечь взглядом хотелось, а потому она жгла типа незаметно.

В общем, Аринка, девчонка свойская и без закидонов, несмотря на МГИМО, льнула ко мне слева, что было символично, а справа шла, спотыкаясь из-за того, что смотрела не на дорогу, а на меня, Лиза. Так дружным любовным треугольником мы доковыляли до дороги, куда я вызвал такси.

Водитель, молодой узбек, гостеприимно распахнул дверцы и, едва скрывая восхищение и пялясь на декольте Арины, поинтересовался:

– Куда? Сколько даешь? – И тут же махнул рукой. – А, садитесь, отвезу куда скажете, даже бесплатно!

Дальше началась комедия, потому что девчонки не хотели садиться одна раньше другой, предполагая, что я сяду последним и кто-то из них останется без внимания. Эх, прав был классик, «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей, и тем ее вернее губим средь обольстительных сетей...». Да уж, а далее как там было у Александра Сергеевича? «Разврат, бывало, хладнокровный...»

Лиза, генеральская внучка, в итоге затолкала Арину, а та, вцепившись в мою руку, как Роуз в Джека после крушения «Титаника», затащила меня следом. Водитель, ранее гость, а теперь полноценный москвич из солнечного Самарканда, не смотрел на дорогу, а пялился в зеркало заднего вида.

Девчонки, надо признать, вели себя прилично. Все-таки наше, советское воспитание, пусть и со скидкой на лихие девяностые. В общем, Арина держала мою руку, переплетя пальцы, а Лиза делала вид, что ей тесно, и так и норвила забросить ногу на мою, что-то недовольно пыхтя мне под мышку. Узбек облизывался и, ловя мой взгляд, подмигивал и показывал большой палец одними глазами, не убирая рук с баранки.

Ресторан «Нептун» располагался в трехэтажном старинном здании. Белый фасад, лепнина вдоль окон, тяжелая деревянная дверь. Вывеска – узорная, кованая, как и все в центре. «Нептун» – и все, никакого завлекалова и кича.

– Точно здесь? – спросил я с сомнением.

Лиза говорила, что они тут нехило зажгли, но как, когда дом жилой? Я озвучил вопрос и получил ответ от нее же:

– Там супер-пупер звукоизоляция, никто никому не мешает.

Я потянул дверь на себя, снова вспоминая ресторан из «О чем говорят мужчины» с дефлопе.

Внутри тоже оказалось дорого-богато. Классика: все деревянное, включая люстры, и массивное. Стойка музыкантов и небольшая сцена для танцев тоже лакированные. Ресторан как ресторан, ничего особенного. Столы с тарелками, ожидающими посетителей. Дворецкий у входа поздоровался, помог дамам снять одежду и пристроить ее, взял мою сумку, которая жутко мешала. Не успели мы сесть, как подошел официант с меню.

– Здравствуйте! Желаете что-то конкретное? Помочь с выбором? Подойти позже?

– Подойти позже, – улыбнулась Арина.

Пальто она сняла, и теперь ничто не скрывало ее роскошную грудь. Лиза изображала Снежную королеву, изучала меню с каменным лицом. Я мысленно перекрестился, открыл меню, но на цены долго не решался смотреть.

Выбрав, Арина наклонилась ко мне и проговорила:

– Много не бери, тут порции во-о такие! Оно на первый взгляд дорого, но того стоит!

Я отметил, что она перестала смотреть на меня как на дойную корову, вон о бюджете моем заботится, и выбрал себе стейк с картошкой по-деревенски. Стоило все это двести пятьдесят рублей, немало, но и не космос. Поинтересовавшись у девушек, готовы ли они, я подошел официанта, озвучил свой заказ. Арина промурлыкала, ведя пальцем по столбику с ценами:

– Салат «морской». А ты, Саня, пропал. Столько не съешь.

– Мне, пожалуйста, жареную семгу с сыром и грибами, – отчеканила Лиза. – Салат с креветками. Бутылочку шампанского...

– Бокал, – перебила ее Арина и зыркнула волком, похоже, и под столом подругу толкнула, чтобы не наглела. – Бокал.

– Какого-нибудь хорошего крымского брютa, – проговорил я, благодарный Арине за то, что она не стала жадничать и заказывать самое дорогое и бестолковое. – Есть что-нибудь из «Нового Света»? Трехлетняя выдержка – самое то.

Официант с уважением вскинул бровь и сказал:

– Юбилейное. Тысяча восемьсот рублей. Продается только бутылкой.

– Хорошо. А какие сорта входят в купаж?

Боковым зрением я наблюдал, как вытягиваются лица девчонок, как приятельницы переглядываются и изумленно открывают роты. Пожалуй, то, что я разбираюсь в шампанском, удивило их больше, чем мой английский.

– Рислинг, пино нуар, алиготе, – сказал официант.

– Отлично. Как раз то, что нужно.

– И к морепродуктам подойдет! – блеснула эрудицией Лиза, да промазала.

– Не подойдет, – покачал головой я и дополнил заказ: – Штрудель, пожалуйста, если есть. Порежьте кубиками на всех.

Прощай, бюджет! Гулять так гулять!

Порции и правда оказались гигантскими, примерно такие подают в Болгарии. Мясо идеальной прожарки, с хрустящей корочкой, истекающее соком. Картошечка со свежайшей рубленой зеленью, политая темно-желтым маслом. Казалось, укроп пахнет на весь ресторан, кружит голову. Лизина семга тоже была огромной, шампиньонов хватило бы на целый жульен, а в салате Арины виднелись розовые креветки и кольца кальмаров.

Потом я рассказывал про игристое – как смотреть пузырьки и винные ножки, как различать оттенки букета. Девы глазам и ушам своим не верили, слушали трепетно, не решаясь перебивать. Вот уж не думал, что хобби Алены поможет мне соблазнять девушек!

Доев свои гигантские порции, мы дегустировали шампанское, закусывая штруделем, и понемногу пьянели. Счет в пять тысяч меня немного протрезвил, но я знал, на что иду. Один раз в жизни, и своей, и Звягинцева, можно себе позволить. Арина смотрела влюбленными глазами.

Из ресторана девчонки вышли в куда лучшем настроении, чем когда заходили.

Кинотеатр «Победа» был недалеко – специально выбрали ближайший. Впрочем, Арина в кино не рвалась, ее больше интересовало, что будет после, а вот Лиза снова захотела домой, она устала, перестрессовала и желала одного – лечь и уснуть, чтобы завтра не проспять на лекции.

Вот только одно мешало это сделать – ей не хотелось оставлять меня наедине с подругой. Вот хоть убей, хоть режь, хоть с кем другим, но только не с Ариной! Видимо, хотела придержать меня на привязи рядом, вроде экзemplя интересней, но после подруги все равно что бэушный, а потому любой ценой нужно предотвратить пользование и употребление Ариной. Любопытная логика из серии «такая корова нужна самому».

С «Карениной» Лиза обломалась, мы опоздали, зато успели на последний сеанс «Трех мстителей». С афиши сурово смотрели три главных героя – русский, казах и грузин. А может, украинец, киргиз и осетин? Фамилии актеров мне ни о чем не говорили.

Сеанс начинался в десять, и мы скоротали полчаса в баре, я взял глинтвейн – согреться было кстати. Обстановка разрядилась еще больше.

Зал был почти пустым – все-таки рабочий день и сегодня, и завтра. Обе девчонки оказались сладкоежками – взяли по сладкой вате и ведру карамельного попкорна. Все меньше они напоминали искушенных богемных див и все больше – обычных нормальных девочек, совсем юных и хорошо хоть совершеннолетних.

Мы взяли места для поцелуев, разлеглись на диванчиках и вперились в экран. Фильм начался, а я, пригретый с двух сторон девчонками, выкинул обеих из головы и увлекся фильмом. И если поначалу я думал о современном искусстве, сравнивал этот кинотеатр с кинотеатрами из моей реальности и не находил отличий, то, когда свет погас, забыл обо всем на свете.

Опомнился я лишь к концу ленты, снятой на «Мосфильме», но так невероятно мастерски, что у меня дух захватило от спецэффектов, игры актеров, а главное – от самой истории трех партизан в 1942-м. Герои были такими разными, из разных республик Союза, со своей культурой и менталитетом, но смогли договориться и объединиться в отряд. О, сколько крови они попили у фашистов! Те были готовы расхерачить весь лес, сжечь его к чертям, лишь бы достать партизан.

«Очень-очень круто, – крутилось в голове. – Зрелище не хуже голливудских “Мстителей”!»

От фильма расчувствовался не только я. Студентка МГИМО Арина, предъявлявшая за культурный код и букет цветов, расплакалась у меня на плече, жалея любимого главного героя, а Лиза... У девушки покраснели глаза, она тихо сказала:

– Спасибо, Саша, что сводил на этот фильм.

Из здания кинотеатра мы вышли глубокой ночью. На улице было ярко, горели фонари – даже эта, советская, Москва, очевидно, никогда не спала. Видимо, из-за того, что было уже за

полночь, мой боевой боец вконец утомился, и при мысли о сексе я не испытывал никакого томления. Я тоже устал, но сначала нужно было развезти девчонок по домам.

Я поймал такси и, не слушая никаких возражений, посадил обеих на заднее сиденье, а сам занял переднее. Водителем был большой и грузный мужчина, я с таким побоялся отправлять двух подвыпивших студенток. И дело было не в генерале Вавилове – просто у меня в этом мире и так, считай, никого нет, а с этими двумя чудами в перьях как-то сблизился за вечер. Вздорные, но нормальные. Прошли тест на человечность, короче говоря.

Завез обеих к Арине в общагу, сгрузил из рук в руки подруге, ей же вручил букет и ретировался. В спину доносились требования звонить, писать и не забывать, и вообще, каждый день набирать по видеосвязи и отчитываться о том, как проходят сборы.

Требования, как ни странно, были от обеих подруг: и от Арины, и от Лизы.

Мой рьяный боец возмущался всю дорогу, что я коварно не воспользовался состоянием девчат, но все же успокоился, когда я доехал до дома тети Розы Рубинштейн. Видимо, согласился с тем, что опозорился бы с таким-то дебафом, а девчонки не забыли бы эту кошмарную ночь.

– Один? – крикнула хозяйка квартиры, когда я тихо крался к себе по скрипящим половицам.

– Один, тетя Роза, – ответил я почему-то шепотом. – Разбудите в шесть утра? Боюсь на поезд опоздать.

– Ну и молодец, – довольно прокомментировала она. – У меня тут не притон. Разбужу. Спи.

Я разделся и упал на хрустящую накрахмаленную простыню, пахнущую цветами, апельсинами и Новым годом.

Хорошо-то как! Так сладко и беззаботно поспать мне теперь долго не придется.

Глава 5. На дальней станции сойду

– Распатаем этот мир! – бездарно имитируя Кипелова, визжал Микроб из соседнего купе плацкарта.

Я так и не понял, как зовут этого низкорослого паренька, зато узнал, что он металлист и от попсытины сперва начинает чесаться, а потом покрывается волдырями. А еще – что он неплохо играет на гитаре, которую, конечно же, прихватил с собой, но у него отвратительный голос простывшего поросенка.

Старенький поезд медленно набирал ход. Футбольная команда заняла последний вагон, плацкартный, пошатывающийся так, будто его раскачивают тридцать здоровых лбов. Тянулись бетонные плиты, исписанные граффити, дома и эстакады, трассы и перекрестки.

Мой сосед, длинный и мосластый Рома Клыков, левый полузащитник, лежал на нижней полке и остервенело щелкал кнопками смартфона – во что-то играл. Когда излишне увлекался, он высовывал язык.

Мне тоже досталась нижняя полка. А вообще, под футбольную команду выделили все четырехместные купе, кроме двух мест в середине вагона. Боковушки – и верхние, и нижние – пустовали.

Едва погрузившись в поезд, я захотел жрать. Благо тетя Роза снарядила меня как родного внука – вручила тормозок с жареными куриными бедрами, вареными яйцами, салом. Последнее выбило меня из колеи – тетя Роза Рубинштейн и сало. Впрочем, может быть, ей кто-то подарил, а она передарила мне, молодому организму, которому плевать на кошерность еды.

Парни тоже начали доставать еду, как только расположились. Накрывали целые поляны, без алкоголя, само собой. По-хорошему, мне следовало внести свой скромный вклад в общак, но меня все игнорировали, соседи сверху ушли в гости к Мике Погосяну в третье купе, который начал хвастать армянским шашлыком (ух, пальчики оближешь, да?) еще на перроне, а мой сосед Клыков питался виртуальными достижениями.

Также в команде были четверо списанных игроков из основного состава, всем перевалило за тридцать пять, держались они особняком, а на нас, салаг, смотрели как дед Петро на сорняк в пшеничном поле – как на врагов народа, короче говоря.

Тренеры быстро нашли общий язык с проводниками, заинтересованными в том, чтобы заскучавшие футболисты не разнесли поезд. Всего тренеров было трое: главный, Кирюхин, и два его помощника, один из которых отвечал за вратарей, а второй – за всех остальных.

Первого, Галактиона Леонидыча, все звали Глидычем или Шпалой, но был он круглым розовощеким коротышкой и, по слухам, в прошлом неплохим вратарем, сыгравшим даже матч за сборную. С ним мне предстояло познакомиться поближе, потому что Киря все же внял моим мольбам на перроне и согласился дать мне шанс на позиции вратаря. Наверное, сыграло свою роль то, что в прошлом сезоне его дубль в среднем пропускал 2,19 гола за матч – прямо говоря, так себе показатель.

Второй тренер, пару сезонов назад еще сам пыливший за «Динамо», играл за клуб и в моем мире, Сан Саныч Димидко. Лет ему было тридцать пять, как списанным ветеранам, а потому он жутко стеснялся и требовал, чтобы все звали его строго по имени-отчеству.

Были еще врач и массажист, причем врач был женщиной, но их почему-то отправили самолетом в Симферополь, а оттуда они должны добираться в Евпаторию на автобусе. Видимо, очень ценные кадры.

Белобрысый Жека и Игнат поселились в предпоследнем купе и пока себя не проявили, но я о них помнил, как помнил и о том, что сумку, бутсы и прочие личные вещи надо время от времени проверять и перетряхивать, а то мало ли.

Перетряхивать... Вспомнились такие доступные вчера Лиза с Ариной, взгрустнулось, но в то же время я порадовался за себя – не скурвился Саня, не оскотинился! А девчонки... Да будут еще девчонки, а сейчас тренироваться нужно и вливаться в коллектив!

Уже хотелось приехать и погрузиться в футбольную жизнь. Ловить и отбивать мячи, бросаться в ноги при выходах один на один, спасти команду, играть, короче говоря, оттачивать мастерство, бегать по золотому песку вдоль моря. Я посмотрел на карте, где находится Заозерное – и вообще это не пердь, а примыкающий к городу поселок на берегу залива.

Бегать мне предстоит много и разнообразно. В Лиловске я попытался пробежать десять километров – чуть легкие не выплюнул с непривычки. По моим прикидкам, я чуть ли не вдвое уступал в выносливости остальным парням! Работать придется на износ, но я справлюсь, мне ж не сорок с копейками, у меня молодой адаптивный организм!

Человек, не сведущий в принципах тренировок Виктора Ивановича Кирюхина, конечно, задастся вопросом: а какого, собственно? Действительно, бегать вратарю, коим я собирался стать, незачем. Вратарь должен намертво стоять на воротах, сыграть последнего защитника, если придется, и начинать атаки своей команды. Для всего этого много бегать не нужно.

Но только не у Кири, тренера, по разговорам в команде, фанатично верующего в методы великого Лобановского, а потому заставляющего своих игроков бегать с бревнами на плечах отсюда до синей блевотины. Вратари? Вратари в первую очередь, чтобы остальные не роптали.

А Микроб тем временем все пел. Парни расслабились и разбились по кучкам, кто-то играл в карты, кто-то командно шпилил во «Взятие Берлина», игрушку на телефоне, а я читал, читал, читал про футбол, сравнивал этот мир с моим и улыбался открывшимся перспективам.

Мысленно я уже стоял в воротах или бежал по песку. Скорее бы доехать! Только сейчас понял, как скучал по морю, а спорткомплекс, где нас расположат, находится прямо на берегу!

В общем, несколько часов мы ехали спокойно и мирно, перекусили обедом, который принесла проводница из ресторана (он был на один зуб).

Самое интересное началось в Туле.

На свободные два места пришли обморочная смутно знакомая бабка с внучкой такой толстой, что щеки девочки лежали на плечах. Было этому несчастному подростку лет двенадцать. Увидев вагон, наполненный парнями, бабка сперва начала сползать по стене, потом – требовать другой вагон. Не получив желаемого, она запричитала, топя на свое место, и в вагоне запахло корвалолом.

– Уэ-уэ-уэ, – передразнил ее Погосян. – Бойся, старая! Съедем твоего пирожка!

– Булочку!

– Нет, это мы пирожки с яйцами, только Клык с капустой.

– А Погосян – со страусиными!

Грянул хохот. Представляю, как бедную бабку перетрясло. Кого же она напоминает... Вспомнил! Гусеницу из мультика «Путешествие муравья». А ей с нами еще сутки с небольшим трястись.

Парни оживились, теперь каждый счел своим долгом пройти мимо купе, где ворчала бабка. Вели они себя вызывающе, чтобы извлечь из бабки ругательство и поржать, как шестиклассники на нелюбимом уроке. Бабка, судя по всему, тоже вошла во вкус, благодаря чему Мика Погосян получил мощный вводный урок русской словесности, а в ответ научил весь вагон армянским ругательствам.

Правда, ходили парни так недолго: вагон начали заполнять молодые люди в камуфляжной форме, с рюкзаками. Я разглядел шевроны ВДВ. И откуда их столько? Точнее, куда? Под Рязанью базируется полк ВДВ, но разве их не возят на спецтранспорте?

– Ну капец, – возмутился сидевший рядом Рома Клыков, выглянув в проход. – Обещали же, что сами поедем!

– Места свободные есть? – поинтересовался проходивший мимо военный. – Есть. Вот и не вякай, не купил весь-то вагон, а?

Рома заткнулся, насупившись, уставился в телефон. Военные начали занимать свободные места, а я – их изучать. Все молодые, лет двадцати на вид, высокие, подтянутые и суровые. Дембеля? Так вроде у них в начале осени приказ на увольнение. Или нет? Я-Звягинцев не служил, прошел курсы при универе, да и подробностями не интересовался.

Военные заняли боковушки. В вагоне воцарилось напряженное молчание. Две стаи хищников принюхивались друг к другу. Вспомнилось, как на 9 мая пьяные русские искали немцев в турецком отеле, чтобы начистить им морды. Фонтан вэдэвэшники вряд ли здесь найдут, а вот взвод недружественных немцев может заменить футбольная команда.

Напротив меня расположились жилистый темноволосый парень с правильными чертами лица и верткий солдатик с огромными васильковыми глазами и внешностью почти кукольной.

Шуточки про булочку и пирожок прекратились. Только бы у наших хватило ума не нарываться!

На столиках военных сразу же образовались бутылки водки, которые проводники велели убрать, пригрозив милицейским нарядом. Военные их убрали. Но стали бегать в тамбур и закрываться в туалете. Вскоре они чуть выпили, и из обрывков их разговоров я понял, что это и правда дембеля, но «залетчики», а таких могут мариновать и три месяца с момента приказа. Видно, эти серьезно проштрафились, раз Новый год им пришлось встречать в части.

Еще узнал, что всему виной какой-то замок, и самый мягкий эпитет к этому слову был «сука». Кто такой замок в части? Замполит? Чей-то зам? Неважно. Гораздо важнее, что с начала вагона донеслось:

- В сердце клуб всегда один! ЦСКА непобедим!
- Всегда имеет «Спартака» непобедимый ЦСКА!
- В Союзе нет команды хуже, чем «Зенит» из финской лужи!
- ЦСКА – «Динамо» – дружба, мяса нам совсем не нужно! – крикнул кто-то из наших.

Я, до того напряженно ждавший начала драки, выдохнул. Вроде конфликт отменяется, и союзные армии объединятся и вместе пойдут искать немцев. Не то чтобы я боялся драки, просто не хотелось. Драться без повода и ни за что – тупо. Вроде как получается, что рискуешь здоровьем и свободой просто так.

В общем, я порадовался, но вскоре понял, что рано, потому что нет разрушительной силы сильнее, чем спевшиеся вэдэвэшники и динамовцы. Началась миграция по купе, поедание динамовских запасов и срочная ликвидация запасов водки дембелей, которой оказалось просто море. А выпить море – как бы не фунт изюма съесть.

- Комбат, батяня, батяня, комбат! – запел Микроб.

Но голос у него был таким противным, что вэдэвэшники завладели гитарой и отправили парнишку на скамейку запасных, то есть прочь из купе. И он прибил к нам с Клыкком.

- Никакой совести! – обиженно развел руками он.
- Огонь, батарея, огонь, батальон! – грянули подвыпившие голоса. И следом заунывное: – Я солдат, и у меня нет башки!

Подбор песен заставил подумать, что определенные вещи рождаются вне обстоятельств, словно подаются творцам откуда-то из космоса.

Тем временем мимо пробежала бабка, волокущая девочку, которая не влезала в проход и билась о выступающие части.

- Содом и Гоморра! – донеслись ее выкрики. – Я буду жаловаться! Я вас сгною!
- Мужики, эта старая карга обозвала нас п...ми! – несколько удивленно воскликнул дембель, отпустив Мику Погосяна. Как наш армянин оказался в этой ситуации, я проглядел, уж слишком много движухи вокруг началось.

Темноволосый парень, который в вакханалии не участвовал, вскочил, пробежался по купе, видимо, он был мозгом дембелей, а через минуту в наш вагон прибыл наряд, но водку успели спрятать.

Минут пять было тихо, а потом опять:

– Огонь, батарея! Огонь, батальон!

– Ты меня уважаешь?

– За Вэ-Дэ-Вэ!

– Выйду ночью в поле с коне-ем!

Ближе к вечеру я прошелся по вагону, чтобы оценить обстановку. Кто-то надирался совместно с дембелями, кто-то играл в карты, тренеры тихонько разливали горькую, пряча бутылки в рукавах. Ясно, чего у Кири такое одутловатое лицо. Ему бы дисциплину наладить, а он водку пьянствует! Представляю, какая вакханалия на сборах будет...

По счастью, дембеля тоже надирались не все. И только одному человеку было плевать на происходящее – моему соседу Роме Клыкову. Если бы его начали выносить вместе с полкой, он не заметил бы.

Наряд транспортной милиции приходил дважды. Грозил пальцем и забывал о беспокойном вагоне. Проводники спрятались в своем купе, во втором пригрели бабку с внучкой.

Смеркалось, градус нарастал, а потом, после очередного «Вот скажи, ногомячист, ты меня уважаешь? Армию, сука, уважаешь?», началось.

Конфликт разгорелся уже ночью. Вспыхнул он быстро, как спичка, и вскоре распространился со скоростью лесного пожара.

Началось все с милой беседы между вспыльчивым и изрядно поддатым Игнатом, который, похоже, совсем не умел держать себя в руках, и здоровенным дембелем по имени Колян. Причем этот самый Колян вписался за своего сослуживца – низкорослого казаха, чей акцент стал причиной издевательств со стороны Игната:

– Ты там в своем ауле с баранами так разговаривай! – пьяно заявил он и заржал. – Свали нах... отсюда.

– Ты что-то сказал? – начал петушиться казах. – А ну, повтори!

– Ис... исчезни, – отмахнулся Игнат.

– Сам исчезни! – взревел дембель. – «Динамо» твое играть не умеет! Все вы там кривоногие!

– Это ты кри-кривоногий, ус-ус-ус... узкоглазый! – оскорбился Игнат.

Он начал рычать, его друг Жека тоже не смолчал, и через пять минут уже полвагона орало друг на друга:

– Мы за кого кровь проливали? Шку-у-у-ра!

– ЦСКА – конина! – закричал Игнат и заржал по-лошадиному.

– А ну, иди сюда, ноги тебе перелломаю!

– Отсоси!

– Сюда иди, ишак, шешен сыгын, котак бас! – путая русские и казахские ругательства, шипел плосколицый дембель.

– Да ты знаешь, с кем разговариваешь?

В этот момент подключился Колян, который говорил мало, зато делал много. По диким воплям Игната стало понятно: происходит что-то интересное.

Я выглянул из купе. По коридору в тамбур здоровенный амбал Колян волок моего недруга Игната, который брыкался и упирался. За ними тянулась целая толпа, в центре которой изрыгал ругательства казахский воин.

Пока я решал, что делать, мой сосед с боковушки преградил путь сослуживцу.

– Колян, успокойся! Загремишь же в ментовку! Сдался тебе этот...

Амбал отодвинул парня и сказал примирительно:

– Дед, отвали, а? На гражданке ты мне никто. А этот выродок очень неправ. Нельзя так с людьми разговаривать. Он Абая обидел. Пропусти, я ему немножко ногу сломаю.

Вспомнилось, как Игнат разговаривал со мной, и я понял этого здоровяка. Но все-таки Игнат был частью команды...

Спор закончился милицейским свистком. Навстречу процессии двинулся наряд милиции с очень злым капитаном во главе. Он буквально полыхал гневом, громыхал громом и метал молниями. Увидев его, все расплзлись по своим купе, чтобы под руку не попасть.

С другой стороны к нам приближался Киря. Остановился на безопасном расстоянии, немного пошатываясь и опираясь на Шпалу. Сан Саныч стоял рядом и типа хмурил брови, но смотрел почему-то в окно.

– Что вы мне тут устроили? – гаркнул капитан. – Вы, бл..., мужики или, сука, алкашня синяя? Как не стыдно, епта?

Вывернувшись из захвата, Игнат подошел к капитану и пожаловался, едва ворочая языком:

– Этот товарищ... тащ капитан... напился... бл... и буянит... Грозился применить!

– Что, бл..., применить? – зарычал капитан.

– С... с... с-с-силу.... Ногу сломать!

Здоровяк, который вовсе не выглядел пьяным, возмущенно развел руками.

– Товарищ капитан, я...

– Всем молчать! – рявкнул тот. – Оформляем обоих.

– Как – обоих? – Игнат завертел головой в поисках поддержки.

Даже Кирюхин не стал за него вписываться, погрозил пальцем:

– Это, Тишкин, твой последний залет. Выпутывайся сам, и перед Марокко будешь сам объяснят... ть... ться! Я у... ик! У-у-умываю руки. – Заикание Игната было заразным. – Дос-с-стали своими... этими самими...

– Выходками! – рыкнул Шпала, сделав грустное лицо.

Здоровяк послушно протянул руки для наручников, Игнат чуть ли не в ноги капитану упал. Но было кое-что не очевидное для них, но понятное мне. Капитан не хотел и не собирался их оформлять, не знаю почему. То ли болел за «Динамо», то ли не желал заморачиваться – ситуация понятная, ничего суперкриминального – выпили мужики, повздорили, обычное дело.

– Короче, – он ударил дубинкой по ладони, – еще один вызов... Слышали? ОДИН! И вам не просто штраф выпишут, а снимут нах... вас на ближайшей станции и закроют, епта! Ясно?

– Ясно, – заблеял Игнат. – Обещаю не...

Но его не дослушали, наряд уже шагал прочь, оставляя его с этим похожим на медведя здоровяком.

В ожидании зрелища все расступились, с другого конца вагона подтянулся народ. Всем хотелось посмотреть на то, как будут воспитывать Игната.

Всем, кроме меня. Урод он, конечно, тот еще, и расист, и дебил, каких мало, но это наш дебил. А я смотреть на то, как кто-то со стороны избивает кого-то из моей команды, не буду.

Драться я, конечно, не собирался, ведь любой спорный вопрос можно решить миром.

В общем, хрустнул кулаками и окликнул амбала:

– Слышь, Колян! Отпусти Игната, мы его сами воспитаем. Хочешь побазарить, давай со мной.

Глава 6. Доверяй, но карты передергивай

Здоровяк окинул меня взглядом, плотоядно улыбнулся и потер руки, кивнул за окно, где проплывали огни большого города:

– С тобой? А ты кто? И он тебе кто, что ты за него вписываешься?

– Саней зовут. Мы с Игнатом в одной команде. Он перебрал, за себя ответить не может, поэтому я.

– Да без проблем, – кивнул Колян. Глянул на Абая, добавил: – Братан, тебе же все равно, кому я ноги сломаю? Обзывал тебя этот, но ответит за него тот.

– Маган пох, – сказал тот, зевнув. – Все равно, короче, можем вообще спать пойти, Колямба, пусть живут.

– Не, Абайка, ты если за себя гордость не испытываешь, то хоть ВДВ не позорь. – Амбал посмотрел на меня. – Короче, ща остановка будет. Белгород. Стоянка сорок минут.

– Мне хватит и трех, – ответил я. – Разговор будет недолгий.

После моих слов повисла пауза, после чего кто-то среди наших присвистнул, а среди вэдэвэшников возмущенно зароптал. «Да уж, Саня, умеешь ты симпатии вызывать, – подумал я. – Стоило бахвалиться?»

Наверное, стоило. Выступить требовалось ярко, так, чтобы завтра те, кто не слышал и не видел, услышали от других, что Саня Нерушимый не мешок с дерьмом, за слова отвечает и своих в обиду не дает. Политика, чего уж там, как завоевывать друзей, и все такое.

На белгородском вокзале было ощутимо теплее. Несмотря на поздний час, кишел народ. Тарахтели колесами чемоданы, перебиваемые голосом диспетчера: «На второй путь прибыл скорый поезд Москва – Евпатория». Проводники, два бравых парня из соседнего вагона, помогали женщине грузить огромный мешок.

Из вагона высыпали наши – сперва динамовцы, потом дембеля. Что показательно, Игната, из-за которого весь сыр-бор, среди них не было. Он украдкой выглядывал из окна, желая, чтобы меня не убили. Хорошо хоть так, значит, что-то человеческое осталось в этом парне.

Мы отошли по перрону подальше от глаз тренера, завернули за будку непонятного назначения. Драться Колян не спешил, и его мысли сходились с моими. Так что я просто их озвучил:

– Значит так, Колян. Делить нам с тобой нечего, и по-хорошему разругивать ситуевину должны были сами пострадавшие – Абай и Игнат.

– Абай мне как брат! – проворчал он.

– А я Игната вижу второй раз в жизни, – ответил я. – Это не меняет.

– Что не меняет?

– Что он твой сослуживец, а Игнат – мой одноклубник. А мы, советские люди, своих не бросаем. Потому и впряглись за своих пацанов.

– И чо? Ты съезжаешь, что ли?

– А похоже на то? Слушай, ты вэдэвэшник, я боец, побеждал в боях без правил. Я без понтов, просто даю расклад. Мы оба хорошо деремся и, уверен, накостыляем друг другу так, что завтра оба окажемся в больничке. Это в лучшем случае, если нас по хулиганке не загребут в ментовку. Оно тебе надо?

– Абай мне, конечно, братан... – задумался Колян над перспективой. – Но сидеть...

– Да и что там было-то, Колян? – панибратски заговорил я. – Ну выпили мужики, повздорили, мы щас за них побуцкаемся, а они щас помирятся и дальше бухать вместе будут. Не так, что ли?

– Так, – буркнул он. Подумав, махнул рукой: – Да и хер с ними, Саня! Мы, значит, биться, а они бухать? Черта с два!

Он пожал мне руку, причем не упустил момента проверить, сжал что есть мочи, и я ответил так, что он сам поморщился. Но остался доволен – не с лохом каким на мировую согласился.

Колян повел носом, принялся и заявил:

– А пойдем в буфет пирожков наберем?

– Жалко, нет старушек-пирожочниц. Поздно, наверное... А, пойдем!

Буфет находился в здании вокзала и был еще тех времен. И цены были советскими, вполне сносными. Дородная румяная продавщица улыбнулась нам и зычно спросила:

– Мальчики! Вам покушать или, – она подмигнула, – водочки? Все есть!

Хочет какую-нибудь гадость съесть...

– Нам бы пирожков, красавица, – сказал я, глядя на румяные беляши на витрине. – Беляшиков и вон тех, с капустой! Жареных. Есть?

– И мне беляш! – сказал Колян. – Сколько он стоит?

– Три – с капустой, пять – беляш, – скороговоркой ответила она и добавила: – Вам, таким красивым, скину по полтиннику.

Повернувшись ко мне спиной, Колян принялся отсчитывать мелочь. Видимо, он был на мели и стеснялся этого. Я сделал вид, что не заметил, как он отгородился. Буфетчица расценила наше замешательство по-своему, вытащила пластиковый контейнер, открыла его... И я чуть в обморок не упал, достал сотенную.

– Смотрите, какие красавцы! Свеженькие, только подвезли.

– Что же вы делаете! Так же нельзя! На все. Половина – беляши, половина – с картошкой и капустой. – Подумав о завтра, добавил: – И шесть двухлитровых бутылок «Ессентуков»... А, давайте еще по паре «Дюшеса» и «Тархуна».

– А мне один!.. Нет, два пирожка! – Колян протянул мелочь. – Беляш и вот этот, с капустой. – Глянул на меня. – Может, водочки?

– Не могу, – помотал я головой и пояснил: – Режим, я в команде второй день и на птичьих правах.

– Понимаю, – кивнул Колян.

Тем временем продавщица, сверкнув белыми ровными зубами, протянула нам пирожки. Колян сразу же начал их есть.

Возвращались мы, перешучиваясь, на ходу поедая пирожки и благоухая на всю округу.

Когда мы вернулись, семеро дембелей еще курили возле вагона, высматривали нас. Причем сильно выпившими были двое, остальные так, чуть навеселе.

– Угощайтесь, мужики, – улыбнулся я, протягивая бумажный пакет с пирожками.

Отказываться никто не стал, в том числе Колян. Насколько знаю, в ВДВ не берут низкорослых и слишком высоких, так вот Колян точно имел максимально допустимые вес и рост, поди прокорми такую тушу.

– О-о-о! Пирожки! – воскликнул кто-то из дембелей и заорал внутрь вагона: – Мужики, все сюда, Колян с Саней угощают!

– А кто кого-то? – донеслось чье-то сонное из окна.

– Никто никого! – рявкнул я. – Поговорили, пирожков купили и назад.

– А сиги купили?

– Я тебе щас башку оторву, Сява! – прорычал Колян. – Сиги ему! Иди нах и сам покупай!

Из вагона высунулась проводница, пригласила нас занять свои места. Ввалились мы дружной хохочущей гурьбой, вызвав непонимание динамовцев, которые, оказывается, переживали за меня. Уже в челюстно-лицевую, наверное, отправили. Видя, что со мной все в порядке, все занялись своими делами.

Увидев, как мы чуть ли не братаемся с Коляном, заулыбались, закивали. Ну да, худой мир везде лучше доброй ссоры.

Микроб тем временем продолжил тормошить дембеля, спящего на его полке в обнимку с гитарой.

– Не так ты это делаешь, – проговорил Колян, отодвигая Микроба. – Смотри, как надо. Он склонился над парнем, спящим с открытым ртом, и ка-ак гаркнет:

– РОТА! ПОДЪЕМ!!!

Спящий сократился весь, задергался, откинул гитару на соседнюю полку и вскочил, саднувшись головой о верхнюю пустующую полку.

Дружный хохот сотряс вагон.

– Офигел? – буркнул он.

Колян похлопал его по плечу.

– Тебя не добудишься. А ты на чужом месте, между прочим, спишь.

Потирая голову, разбуженный побрел к себе и принялся застилать бельем верхнюю боковую полку. На соседней боковушке легли два бойца. Как сидели, так и полегли лицами в стол. Один храпел, аж похрюкивал. Мы пошли дальше, и в этот момент погас свет, намекая на то, что пора бы закругляться. Кто-то завыл по-волчьи, донесся смех, луч фонарика заметался по вагону.

У Коляна пискнул телефон, он остановился у моего купе, прочел сообщение и заулыбался, аж лучиться начал.

– Девушка? – спросил я.

– Ага. К ней еду. В Запорожье. А сам я из Астрахани. Свадьбу играть будем.

Он развернул ко мне телефон. С экрана улыбалась темноволосая чернобровая красавица.

– Видно, что бойкая, – кивнул я.

– Еще какая! Самые красивые девушки – в Запорожье! Отвечаю, Санек!..

– Слышал о таком, да, – не стал спорить я.

Воцарилось недолгое молчание, которое нарушил Колян:

– Слышь, Саня, а пойдем в картишки зарубимся?

– Мы с тобой?

– Да не, с пацанами. Там и наши, и ваши. Че вдвоем-то? Вдвоем тоска.

– Во что играют?

– А хрен знает. Ща глянем.

Не то чтобы я прямо хотел играть, просто рассчитывал, что наши парни подпили, ослабились, и можно наладить контакт хоть с некоторыми.

Восторженные и возмущенные крики доносились из купе Погосяна, причем больше всех было слышно именно его – Мику. Надо же быть таким активным! Казалось, он ни на секунду не смолкает и одновременно находится везде.

Мы подошли к купе и увидели, что там играли впятером: два дембеля, трое наших. За столиком у окна, где лежал огромный армейский фонарь, сидели Погосян и белобрысый Жека. Рядом с Микой притулился Абай. Напротив Жеки устроился наш основной вратарь, Кирилл Кониченко по прозвищу Конь, – двухметровый совершенно лысый лоб с очень широкими плечами. На раскладном стульчике в проходе сидел ясноглазый парнишка, мой сосед, и тасовал колоду, не глядя на карты.

– Оп-па! А че это вы тут? Тоже решили в картишки перекинуться? – заметил нас он. – Колян, давай с нами. И ты, как там тебя, – он оценивающе осмотрел меня с ног до головы, будто я не играть пришел, а торговаться, – тоже давай.

– А во что рубитесь?

– Да в стрекозу, – ответил тот. – В секу то бишь. В два листа, если так понятнее. В триньку с картинками.

– Нормуль, – потер руки Колян. – Саня? Ты с нами?

Я кивнул. В секу мне доводилось играть в детстве, еще при Союзе, но простейшие правила я помнил хорошо. И, как и в покере, заменившем секу в моей России, в этой игре все решал блеф.

Мы сели на край полки, я – к Коню, Колян – к Абаю, который, рассматривая сданные карты, хитро улыбался и шурил и без того узкие глаза-щелочки.

Жека по-прежнему делал вид, что меня нет, а вот Игната я вообще в поезде не заметил. Наверное, он в купе, которое примыкает к тренерскому. Накосячил и не высовывается.

– Тишкин! – позвал его Погосян. – Иди сюда! Нерушимый тебя в карты собрался проигрывать! Ты ж ему типа должен. Он тебе ногу от перелома спас, но сам пострадал – проломили ему череп, да?

– Нет, – ухмыльнулся Колян.

Жека ехидно улыбнулся, Мика заерзал в предвкушении. Игнат нарисовался мгновенно – бледный, встрепанный, напуганный.

– Не бзди, пошутил я! – включил заднюю Погосян. – Вот твой Нерушимый, живой и невредимый.

Видимо, Игнат и правда за меня переживал, выдохнул с облегчением, шагнул к нам, протянул руку сперва мне:

– Спасибо, Саня. И... извини, если что не так. – Я пожал его руку, и он обратился к казаху: – И ты прости, Абай. Выпил, погорячился. Нормальные у тебя глаза.

– Да без тебя знаю, что узкие, – ответил тот. – Это ж природой заложено, мы, казахи, сотни лет по степи на конях скакали, понимаешь? А у нас там ветры дикие, сечешь? С такими большими глазами, как у вас, можно было вообще без зрения остаться – всякая пыль бы залетала. Поэтому выжили в Великой степи только те, у кого глаза узкие были, понял? Эволюция, брат, все по Дарвину!

– Понял, – заулыбался Игнат. – Чего не понять. Это как у негров черная кожа, чтобы не палиться под солнцем.

– Ну вот сразу бы так, – хмыкнул Абай. – А ноги у тебя все равно кривые, но ты не оби... это... не злись, короче, – удобно ведь на коне сидеть! Будешь у нас в Шевченко, заходи, научу на лошади кататься!

Слушая их, я совсем успокоился – казах тоже зла не таил. Игнат, еще раз пожав ему руку, отвалил.

Вот и все, конфликт исчерпан. Напряжение отпустило, захотелось спать, и я зевнул. Может, ну ее, эту игру? И так все наладилось, пойду лучше всхрапну.

Только я собрался уходить, как ясноглазый заговорил:

– Ну чо, погнали? Кстати, меня зовут Миха Угнич, но Михайлов полно даже в этом вагоне, а Угнич – один! Так что зовите лучше Угничем, я привык. Это, если кто еще не знает, великий степной разводила, – он указал на казаха, – Абай... котакбас!

Дембеля заржали. Казах резко вскочил и попытался пнуть Угнича, но тот тоже вскочил, и в полет отправился его складной стул.

– Сам ты пиз...головый! – крикнул Абай, но беззлобно, по-дружески.

Угнич вернулся, оседлал стул.

– А на что играем? – ухмыльнулся Жека. – Давайте на ку-ка-ре-ку. Кто последним скинул или проиграл, тот и кукарекает три раза. Условие: кукарекать с душой, убедительно.

– Раздавай по две! – сказал Угнич, сунув мне колоду. – Играем без шахи, если кто не в курсе.

– Давайте по десять рублей поставим? – Погосян положил две пятирублевые монеты. – Для азарта, а? Ну не деньги же. Кто проиграл – поет, кто выиграл, того бабосики.

– Не свети, debil, – прошептал Жека, накинул сверху десятку и сгреб мелочь в пластиковый контейнер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.